

СПАСАТИ ЧАЭС

ДАМИРОВ И ГАУСС

Максим Гаусс
Рафаэль Дамиров
Спасти ЧАЭС: 1984. Книга 1
Серия «Спасти ЧАЭС», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70066912

Аннотация

Выполняя боевую задачу в Сирии, подполковник Российской армии погибает от рук предателей. Казалось бы, вот и конец – бесславная смерть в богом забытой арабской пустыне. Но судьба дает ему второй шанс – его сознание переносится в Советский Союз 1984 года, в тело обычного старшекласника.

Знания о будущем можно с легкостью использовать в своих целях. Стать кем угодно, разбогатеть, занять высокую должность. Но подполковник ставит перед собой дерзкую и невероятную задачу – предотвратить аварию на Чернобыльской АЭС...

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	4
Глава 2. Такая реальность	23
Глава 3. Восемидесятые...	38
Глава 4. Первые проблемы	54
Глава 5. Снова в школу	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Максим Гаусс

Назад в СССР: 1984

Глава 1. Точка невозврата

Не люблю я все-таки перелеты.

Ранее, еще до командировки в Сирию, я летал лишь на пассажирских самолетах, да и то, только в случае крайней необходимости. Вертолеты не в счет, там все совсем по-другому воспринимается. Зато в жаркой арабской стране мне и на «Илюше» довелось полетать, и на «Чебурашке» и даже на Советской турбовинтовой «Анке».

Обернулся к своим людям – спецгруппа по радиационно-химической и биологической защите, дополнительно усиленная отделением спецназа, в полном составе возвращалась домой. Специальная операция по обнаружению и пресечению незаконной транспортировки отработанного ядерного топлива прошла более чем успешно. Боевики пытались переправить опасный груз через границу, чтобы в дальнейшем собрать «грязную» бомбу. Не вышло у них.

Кто-то из ребят, уткнувшись подбородком в грудь, уже спал, кто-то склонился над потертой книгой, выменянной на базе. Мерный шум, издаваемый двигателями, действовал успокаивающе, да и осознание того, что дом все ближе,

способствовало хорошему настроению. Немного потрепали нам нервы – два борта ушли без нас, причем полупустыми. Пришлось с начальником службы потолковать по душам... К счастью, тот оказался понимающим мужиком.

Мы только что взлетели с «Химок», поэтому сейчас самолет набирал высоту, одновременно делая крюк над побережьем, минуя «серую» зону.

– Подполковник Семенов! Пройдите в кабину пилотов, для вас срочная информация!

– Ну что еще... – пробурчал я, едва услышал искаженный внешним шумом голос второго пилота.

Нехотя поднялся, накинул бушлат. Хоть «Илюша» и считался грузопассажирским, отсек еще не прогрелся, и было прохладно. Двинулся по направлению к кабине, бойцы дружно поджали ноги, пропуская меня вперед.

В центре лежала целая груда нашего оборудования, рюкзаки с экипировкой, личные вещи. Помимо этого, в «довесок» нам накинули массу списанного инженерного снаряжения, которое нужно было закинуть в Москву. Как старший офицер, я не возражал. Сам не один десяток раз сталкивался с необходимостью срочно доставить в ту или иную точку какую-нибудь посылку. Только не в воздухе, а на колесах, по суше.

Поднялся по короткой лестнице, дернул на себя алюминиевую дверь.

Оказался в коротком техническом проходе. Бортовой тех-

ник тут же откатился на трехколесном поворотном стуле назад, смерил меня взглядом и жестом указал на свои уши, затем на висящие на боковой стенке темно-зеленые наушники.

Кивнул ему, быстро нахлобучил устройство на голову.

– Товарищ подполковник... – ко мне обернулся второй пилот в звании капитана, держа в руках планшет с торчащими оттуда листами бумаги.

– Алексей, – я прервал его на полуслове, опуская ненужные формальности. У «сухопутных» с летчиками всегда была негласная договоренность, которую нужно либо соблюдать, либо сразу же опустить. Я не отличался чрезмерной гордостью, возраст уже не тот. Да и самолюбием не страдал. Это когда был лейтенантом – другое дело: если можно перед кем-то покрасоваться, то почему нет? Особенно перед молодыми девчонками, мечтающими о парнях в офицерской форме. Но с тех пор прошло уже почти двадцать восемь лет.

– Алексей, ситуация следующая, – голос летчика вернул меня к реальности. – Только что по закрытому сегменту сообщили, что на севере случайным образом были обнаружены неизвестные радиоактивные элементы, которые представляют серьезную опасность. Ближе вас никого нет. Командование объединенной группировки войск требует направить вашу группу туда. Лететь минут сорок, сядем в «Камышлах».

– Ну, замечательно, – недовольно процедил я, осознавая, что полет домой накрылся медным тазом. Последнее время подобное происходило с завидным постоянством.

Сложность состояла еще и в том, что спецгруппа, вроде моей – редкость. Специальность радиационно-химической и биологической защиты, конечно, востребованная, но только не в Сирии. У местных нужного оборудования нет, да и пользоваться им нужно уметь. Естественно, отказываться нельзя – мало ли на что там наши ребята наткнулись. Для борьбы с Российскими Вооруженными Силами и Сирийскими Демократическими Силами боевики используют любые методы, порой даже самые грязные.

В эту часть республики мы попали впервые.

– Опасный район? – поинтересовался я.

– Тройка. Может, чуть выше.

– А вы там вообще сесть сможете? «Илюша» немаленький, – насколько я знал, взлетные полосы в «Камышлах» короче стандартных, предназначены лишь для малой и средней авиации. Да и общая обстановка там только недавно стабилизировалась. Курды постоянно провоцируют Турецкие войска, иногда достается и нашим.

– Да куда мы денемся, подполковник? – в разговор вмешался командир самолета, он же первый пилот.

– Тогда добро! – кивнул я, затем направился обратно.

На душе было как-то погано. Скрывать не стану, я уже отчетливо представлял, как встречаю свою семью, как поднимаю и сажаю на шею трехгодовалого внука. Думал о том, чтобы собраться на даче, пожарить шашлык, а заодно и шампиньоны. Я их мариную просто мастерски – во рту тают...

Эх!

От досады легонько ударил кулаком по двери. Спустился по лестнице вниз, вернулся к своим. Видимо, у меня на лице все было написано, потому что мой заместитель, майор Ветров тут же задал вопрос, почти прокричав его:

– Что, командир, домой не летим?

– Нет. Не летим, – мрачно подтвердил я, присаживаясь рядом с Ветровым.

Со всех сторон слышались недовольства. Те, кто спал, тут же проснулись.

– Да ну, мля... Снова?

– Это какое-то издевательство. Сначала Владикавказ, потом Украина. Теперь Сирия... Тьфу!

– Мы, вообще-то, дома уже полгода не были. Ничего?

– Ну-у, запели! Отставить нытье! – гаркнул я, заканчивая бессмысленные пререкания. – Приказы не обсуждаются. Сейчас долетим до «Камышлии», выгрузимся. Там введут в курсе дела.

– Что-то серьезное нашли? – поинтересовался майор, подвинувшись ближе ко мне.

– Черт его знает. Какие-то радиоактивные отходы.

– Как думаешь, связаны с первыми двумя поставками?

– Возможно.

– Парни недовольны, – заметил Ветров, указав на ребят.

– А то я сам не вижу, – буркнул я, снова окинув группу взглядом. – Антон, тут без вариантов, команда сверху при-

летела. Только не пойму, почему на базе заранее не сообщили. Что за срочность?

– Работа у нас такая. Сколько лететь?

– Минут сорок. Ладно, разберемся на месте! Время есть, пока отдохну немного, – я прислонился затылком к ребру жесткости, прикрыл глаза. – Если что...

– Если что, ты сам проснешься, – ухмыльнулся майор.

Сон почему-то не шел. Работа у нас действительно сложная, ответственная. С чем мы только не сталкивались за последние десять лет, когда выезжали на горячие точки и потенциально опасные объекты. А ведь если подумать, когда я еще был мальчишкой, то даже не думал посвящать свою жизнь Вооруженным Силам.

Сам я родился в Краснодаре, но в семьдесят седьмом вместе с родителями мы переехали в Припять. Отец тогда получил хорошую должность на строящейся атомной электростанции. Они с матерью хотели отправить меня на учебу, на инженера-атомщика, чтобы в перспективе тоже получить работу на АЭС. Да и, честно говоря, меня это самого очень увлекало. Работа достойная, высокооплачиваемая. Я с интересом зачитывался книжками по ядерной физике, изучал научно-технические журналы. К тринадцати годам я уже приблизительно знал принципы работы ядерного реактора.

Конечно, в те годы все, что касалось атомной промышленности, приравнивалось к государственной тайне. За атомной энергией стояло светлое будущее, никто в СССР в подобном

даже и не сомневался. Приручение и широкое использование мирного атома считалось величайшим прорывом в советской науке. Тем более что и первая атомная электростанция появилась в союзе.

Хорошо помню отца, работавшего на Чернобыльской атомной электростанции в непосредственной близости от реактора третьего энергоблока. Каждый раз, приходя с работы, он пропускал по стаканчику «Столичной», объясняя это тем, что даже незначительную радиацию из организма нужно выводить...

А потом Чернобыль рванул.

Самая масштабная техногенная катастрофа прогремела на весь мир. Вся Европа хлебнула. Я не раз слышал, что аварию на ЧАЭС некоторые историки считают одной из причин развала Советского Союза.

В общем, с тех пор моя жизнь, как и многих советских семей, перевернулась с ног на голову. Впоследствии моя семья несколько раз меняла место жительства, переезжала.

Я отвлекся от воспоминаний – Ветров внезапно толкнул меня локтем в бок.

– Леха, сейчас садиться будем!

Шлепнув себя пару раз по щекам для бодрости, я тряхнул головой и окинул отсек сонным взглядом. Парни готовились к посадке. Через несколько минут борт пошел на посадку. Предварительно связавшись с диспетчером, пилоты получили добро. Выделили канал, все шло по накатанной.

Когда колеса чиркнули о бетонное покрытие взлетной полосы, а корпус самолета вздрогнул, я облегченно выдохнул. Каждый раз при посадке щемило где-то в груди. Не то чтобы предчувствие какое-то, скорее, просто индивидуальная особенность. Следуя многолетней традиции, парни похлопали летчикам.

«Илюша» остановился, через несколько минут заглушил двигатели. Пилоты опустили рампу.

Внутри ворвалось облако сухого, жаркого воздуха, в отсеке сразу завоняло перегретым маслом, пылью.

– Все, народ! Выгружаемся! – крикнул я, обращаясь к своим ребятам.

Действовали слаженно. Я и сам, несмотря на звание, не гнушался участвовать в разгрузке. Ну и что, что подполковник?

– Ну-у... – проворчал Ветров, выбравшись наружу с двумя огромными баулами. – Опять эта жара. Дома-то сейчас октябрь.

За пять минут мы полностью разгрузили все наше снаряжение. Инженерное барахло трогать не стали, не наше и ладно. Тем более, что борт вроде как никуда улетать не собирался. Пока.

Над взлетной полосой пронеслась пара «Ми-28Н», именуемых ночными охотниками. Стрекотание винтокрылых машин заглушил далекий рокот реактивных «сушек».

К борту самолета, поднимая за собой клубы нанесенной

ветром пыли, подъехал КамАЗ-бронекapsула, следом за ней подкатил выцветший «Патриот» с эмблемой военной полиции на двери.

Пассажирская дверь открылась, оттуда выскочил майор в традиционной «свинячке». Это чуть позже ее повсеместно заменили «песочкой».

– Подполковник Семенов? – подбегая, громко спросил он.

– Так точно, – выдерживая официальность, крикнул я.

– Здравия желаю, я майор Ивановский. У меня для вас готова машина. Группу в броню, – он указал на «бронекapsулу». Поместитесь?

– Справимся. Что по обстановке, что обнаружили?

– Вам все расскажут в штабе. Мне приказано только встретить вас.

Я кивнул. Обернулся к своим.

Майор Ветров и еще два младших офицера что-то обсуждали, глядя на ряд стоящих у ближайшего ангара штурмовиков. Боевые машины вблизи выглядели сурово.

– Антоха, грузитесь в КамАЗ, – скомандовал я, осматривая наш багаж. – Шмотки туда же. Шустрее, нас уже ждут.

По лицам бойцов я понял, что они крайне недовольны.

Еще бы. В пятидесятиградусную жару, под палящим солнцем лезть в «бронекapsулу» – суровая пытка. Внутри настоящая баня, в прямом смысле этого слова. Про кондиционеры можно и не заикаться – нет их, и еще долго не будет. А штатная вентиляция – одно название.

Я бесчисленное количество раз сидел внутри, даже приходилось отстреливаться. Броня хорошо защищала от стрелкового оружия и осколков, но не более. В целом, этого было достаточно. Безопасность хорошо, но за нее нужно чем-то платить.

Загрузились. Сверху, из смотрового люка выбрался закутанный по уши пулеметчик, положил рядом «Печенег». Помахал мне, показал большой палец.

Я кивнул, влез в «Патриот», хлопнул дверью. Водитель тут же газанул. Развернувшись, мы промчались по краю взлетной полосы, затем сошли на малоприметную грунтовую дорогу. Тут же все окутало клубами дорожной пыли. Где-то за нами ревел дизельным движком КамАЗ.

Миновали контрольно-пропускной пункт, ускорились. Здание штаба было одноэтажным, выполненным в виде буквы «П». Весь второй этаж превратили в серьезную укрепленную огневую точку ПВО. Я видел задранные вверх носы устаревших ЗРК «Невы» и «Ангары». Рядом, частично под маскировочной сетью, пригнулся темно-зеленый «Панцирь». Дальше стояли средства радиолокации. Выше, примерно в полукилometре, заметил замаскированный С-300. Вся территория штаба была обнесена традиционными «габионами», набитыми землей.

Вообще, средств противовоздушной обороны на базе было более чем достаточно – Эль-Камышлия самая северная точка Российской группировки войск в Сирийской Араб-

ской Республике. Поэтому аэродром имел ключевое значение – до Турции доплунуть можно.

– Куда дальше? – спросил я у Ивановского, когда мы подъехали к зданию.

– Я покажу.

Подхватив свой планшет с важными документами, я двинулся за майором.

Едва вошли внутрь, я тут же ощутил приятную прохладу. Кондиционеры работали, похвально. Отряхнулся от пыли, двинулся за майором. Быстро прошли прямой коридор. Дневальный на пропускном пункте лениво козырнул, встав для вида... Не до него сейчас.

Вошли на командный пункт.

Атмосфера царила напряженная, это хорошо чувствовалось. Кажется, произошло что-то серьезное. Здесь уже собралось больше десятка офицеров в званиях не ниже подполковника. Видимо, ждали только меня. В центре помещения находился огромный стол, на нем расстелена исчерченная линиями и обозначениями карта подконтрольной территории. Начальником тактического направления здесь был полковник Зубов, мой знакомый еще по «родной земле». Противный мужик, карьерист. Несколько лет назад, чтобы подняться по карьерной лестнице, косвенно подставил меня в одном неприятном деле.

– Товарищ полковник, подполковник Семенов прибыл в ваше распоряжение! – отрапортовал я, следуя уставу. Не то

чтобы я показушник, но в компании незнакомых офицеров всегда соблюдаю субординацию.

– Семенов, давай без этой ерунды! – ко мне подошел низкорослый полный мужичок, с полковничьими погонами. Круглая, как колобок, да еще и лысая голова – к ней приклеилось хитрое лицо розоватого поросячьего цвета. На груди шеврон с фамилией, символизирующий о том, что передо мной и есть Зубов. Он протянул пухлую руку, одновременно кивая на стол.

Ответив на рукопожатие начальника, я поздоровался с остальными.

– Семенов, я понимаю, что тебя выдернули прямо с самолета... – голос у него был неуверенный, то и дело срывался. – Да знаю я, что ты домой летел. Тут «горячее» объявилось. Других специалистов у нас во всей республике сейчас нет, потому и пришлось через «Химки» вопрос решать. Ну, ты же понимаешь...

– Введите в курс дела, – я решил не заморачиваться на ерунде.

– Значит так, – Зубов демонстративно покашлял в кулак, затем склонился над картой. – У населенного пункта Аль-Хиджас была задержана группа боевиков. Ну как, задержана... В общем, почти вся ликвидирована. Э-э... Передвигались боевики на двух пикапах, сопровождали американский грузовик. В кузове наши ребята обнаружили контейнеры непонятного назначения.

Зубом на мгновение прервался, хлебнул воды из бутылки, затем продолжил:

– Бойцы спецназа, что проводили зачистку, забрали ящики с собой и вернулись обратно на базу. Спустя некоторое время после возвращения почувствовали себя плохо. На осмотре у медика случайно попали под дозиметр. Налицо признаки острой лучевой болезни, в лазарете подтвердили. У всех тошнота, рвота, плохое самочувствие. Слабость. В общем, полный букет.

– И где эти ящики теперь? – я заинтересовался информацией. – Признаки острой лучевой болезни? Так скоро?

– На одном из направлений, в десяти километрах отсюда, – вмешался незнакомый мне офицер. – Но не это самое интересное! Проводник из местных сирийцев, владеющий нашим языком, на осмотре заявил, что на одном из ящиков имелась надпись, сделанная на арабском. «Уран-235», а как ты знаешь, это отработанное ядерное топливо. Предположительно, с Украины.

– Оп-па! Любопытно, – медленно произнес я, задумавшись. – Радиоактивные элементы для грязной бомбы?

– Мы тоже пришли к такому выводу.

– И подобное происходит уже в третий раз. На юге мы перехватили две поставки, здесь, судя по всему, тот же характер. Кстати, у меня с собой подробный отчет с разбирательствами и фотографиями. Я почти уверен, что кто-то из наших втихую помогает переправлять сюда ядерное топли-

во. И есть иные доказательства, что элементы попали сюда с Украины.

Штабные офицеры переглянулись. Кажется, о том, чем мы реально занимались на территории САР, здесь никто не знал. Оно и понятно, неофициальной частью наших задач было проведение расследования. По совместительству.

– Это хорошая новость. Алексей, полагаешь, что это носит системный характер?

– Первые две поставки мы перехватили, изъяли и захоронили, – продолжил я. – Думаю, да. Это продолжение старого сценария. Кто-то помогает боевикам переправлять топливо арабам.

В штабе повисла напряженная тишина.

– Семенов, вам нужно выдвинуться и проверить, что там за дерьмо! – Зубов перешел на командный тон, вытирая платком вспотевший лоб. Странно, чего он потеет? Здесь же кондиционер работает.

– Выдвинемся в течение получаса, – я взглянул на свои часы. – Далеко ехать?

– Не особо. Однако район довольно глухой, там есть наш опорник.

– Понял. Тогда не будем терять времени. Я лично выдвинусь на точку, оцеплю периметр и проведу замеры. А уже потом задействую остальную группу.

– Скольких берешь с собой?

– Только троих. Без них я все равно что без рук. Осталь-

ные ребята пусть отдыхают. Все необходимое снаряжение у нас с собой.

– А отделение спецназа? – поинтересовался Зубов и тут же добавил: – У нас есть своя группа.

– Пусть мои парни отдохнут, – сказал я, не желая гонять парней просто так. Еще неизвестно, что там на самом деле.

– Замечательно, – меня похлопал по плечу офицер, у которого почему-то не было ни знаков различия, ни шевронов. – Тогда готовьтесь. Кстати, я поеду с вами.

– А вы, простите, кто? – уточнил я. – Не люблю работать с людьми, о которых ничего не знаю.

– Это так важно? – небрежно улыбнулся тот. – Хорошо. Капитан Гнездов, военная контрразведка.

Он обернулся к Зубову и поинтересовался:

– Товарищ полковник, добро даете?

– Да-да. Конечно, – рассеянно пробормотал тот, продолжая потеть. – Семенов, капитан Гнездов в вашем подчинении, но решения принимаете вместе. Транспорт вот-вот прибывает, я распорядился.

Я сухо кивнул, затем развернулся и двинулся к выходу. Прежде чем приступить к выполнению задания, нужно провести инструктаж с парнями.

Это не заняло много времени.

Ветров очень удивился тому факту, что снова всплыло упоминание о когда-то вывезенном топливе с одного из Чернобыльских реакторов. У меня были по этому вопросу кое-

какие наработки, которые я намеревался проверить уже там, в России.

– Значит так, со мной поедут... – я намеренно выдержал паузу, прикидывая, кто мне нужен в первую очередь.

– Я! – все шестнадцать человек подняли руки.

– Возьму троих, – словно не заметив, продолжил я. Мысленно порадовался сплоченности группы. Команду-то я собирал долго, зато и отбирал самых лучших. – Для первичной оценки достаточно. Ветров, Акишин и... Доронин. Хватайте первый комплект и грузитесь. Вот, кстати, и наш транспорт пожаловал.

К зданию штаба нещадно пыля, двигался «Тигр», за ним следовал белый пикап. У последнего в кузове стоял пулемет ДШК – грозная машина, недавно отметившая свое восьмидесятилетие со дня производства. За пулеметом был кто-то из местных, по уши закутанный в «арафатку». Это нормально – арабский мухабарат, сотрудничающий с нашими войсками. Что-то вроде службы безопасности у арабов.

Гнездов был уже внутри пикапа.

– Товарищ подполковник, грузитесь в «Тигр», – крикнул он, указывая на бронемашину. – Места там хватит.

Я прихватил свой рюкзак, кинул туда планшет со сделанным мной отчетом по проведенным мероприятиям. Оставлять его я не собирался, вдруг нужно будет кое-что проверить?

Не теряя времени, выдвинулись на точку. Все вооружение

у нас было с собой – каждого я снаряжал лично. Начиная от формы и заканчивая оружием.

Мой АК-12 висел за спиной, на броннике примостилась удобная кобура с «Ярыгиным».

Минут через двадцать добрались до опорного пункта. По пути все было тихо.

Несколько ветхих строений, ржавая вышка. Покосившиеся столбы с обрывками проводов. Укрепленная огневая точка с развевающимся Российским триколором, пара пулеметов. Дальше, в окопе, примостился замаскированный под местную растительность «БТР-80». Ничего особенного – реально не опорник, а так... Смотреть не на что.

Выгрузились. Бойцы прикрытия разбежались в стороны. Пикап катался по периметру, на всякий случай, оказывая прикрытия в случае угрозы.

– Антон, бери анализатор. Проверишь фон, – распорядился я, выбираясь из броневедомобиля. – Юра, помогаешь ему. Серега, готовь костюмы – пригодятся.

Мои парни тут же принялись за работу.

– Где ящички? – спросил я, рассматривая стоящие как попало глиняные строения.

– Там, слева. В одноэтажном доме, – указал направление Гнездов, тоже выбравшись наружу. Зачем-то вытащил пистолет из кобуры.

«Тигр» развернулся, отъехал чуть левее и встал в тень, прямо под стену сарая. Белый пикап, покругив, скрылся из

виду.

Я сосредоточился на задаче, расчехлил переносной прибор. Медленно направился туда, держа перед собой карманный газоразрядный индикатор.

Прибор почему-то молчал. Странно, в его чувствительности и надежности в целом, я ни разу не усомнился. Прецедентов не было.

Двинулся дальше, продолжая наблюдение.

Поравнялся со зданием, прошел вдоль стены, заглянул в темный проем. Двери тут не было. Снова перевел взгляд на прибор. Да что за ерунда? Постучал пальцем по корпусу, встряхнул. Ничего не изменилось. Датчики ничего не фиксировали.

Я неуверенно шагнул внутрь. Увидел у дальней стены сложенные друг на друга ящики, покрытые густой пылью. Гнездов, следовавший за мной по пятам, вертелся по сторонам, словно что-то искал.

Мне было не до этого.

Вошел внутрь. Чем дальше я шел, тем больше понимал, что здесь что-то не так. Когда я заподозрил неладное, отключил прибор. Обернувшись, я увидел нацеленный мне в лицо ствол пистолета...

– Прости подполковник, – холодно процедил капитан, глядя на меня с какой-то ненавистью. – Не надо тебе было во все это лезть... А отчет я заберу.

Ответить я не успел.

Гнездов нажал на спусковой крючок, раздался выстрел. А для меня окружающий мир вдруг отключился...

Глава 2. Такая реальность

В нос ударил сильный запах свежей краски.

Спустя секунду я открыл глаза, правда, картинка была настолько мутной, что я почти ничего не увидел. Глаза слезились. И все же я различил, что вокруг меня столпились люди.

– Савельев! Эй? – слух тоже включился неожиданно. Голос был мужской, незнакомый мне. – Так, а ну, дай пузырек сюда!

В голове гудело, я никак не мог понять, что произошло и почему все еще жив. Эта скотина Гнездов стрелял мне в голову. Какого черта?

– Да расступитесь вы уже! – тот же мужской голос прозвучал настойчивее. – Человек краски надышался, сознание потерял.

Послышался какой-то шум, невнятный ропот.

Тут же почувствовал, что под нос сунули что-то холодное.

– Нюхай!

Я и вдохнул. В нос ударил резкий, но такой знакомый запах нашатыря. Пробрало до самых костей, меня аж передернуло. Мозги сразу же прочистились. Вытаращив глаза, я совершил глубокий вдох и сразу закашлялся.

– Вот, другое дело! Ну все, все... Савельев, заставил ты меня понервничать. Встать сможешь?

Я кое-как приподнялся, сел. Осмотрелся по сторонам.

Оказывается, я лежал на грубом дощатом полу, а вокруг меня столпилось человек десять. Справа заметил стоящие банки с коричневой краской, вымазанные кисти. Часть пола уже была окрашена. Вот откуда запах...

Все люди оказались подростками лет семнадцати. Лица незнакомые, какие-то взволнованные. Таращились на меня, будто на макаку в зоопарке.

– Ну, лучше? – справа от меня на коленях сидел какой-то лысый мужичок в возрасте, с седыми усами. – Савельев, я же вам говорил, дурно станет – выходите подышать на свежий воздух! Не играйте в героев. А вы?

– Василий Степанович, может его на улицу вывести? – предложил кто-то из толпы. – Пусть подышит.

– Отличная идея. Так, а ну, ведите его наружу, а то бледный он...

Меня подхватили под руки, подняли на ноги.

– Да я и сам могу... – пробормотал я, не узнав собственного голоса. Тонкий, слабый. Такого у мужика сорока восьми лет быть не может...

Ничего непонятно. Куда делась Сирийская пустыня, тот заброшенный сарай... Где Гнездов? Ветров и остальные парни?

А что если... Я еще не умер? Скорее всего, парни устранили Гнездова, подобрали мое тело и доставили в госпиталь. Врачи поместили в медикаментозную кому, вот я и смотрю «мультики». М-да. Вот уж не думал, что все будет настоль-

ко реально. Черт, как же сильно тут краской воняет, аж до тошноты.

Двое ребят, поддерживая меня за руки, медленно вели к виднеющейся впереди двери. Когда проходили мимо какой-то галереи, заметил белый бюст Ленина на постаменте. Случайно посмотрел влево и, открыв рот, остановился как вкопанный. На стене был растянута традиционный красно-белый стяг:

«Честь и слава советскому учителю!»

Чего-о? Какому еще советскому учителю?!

А на противоположной стене, между внутренними дверями аналогичный плакат, только с другим содержанием:

«К свету и знаниям, юные пролетарии!»

– Леха, ну чего ты встал? – справа меня поддерживал за руку какой-то здоровяк с простым лицом, словно обсыпанным веснушками. Парень слегка подтолкнул меня в спину. – Идем!

Я рассеянно заковылял ногами, ни черта не понимая. Кто тут это старье развесил? А главное – зачем?

Входная дверь распахнулась, и я невольно зажмурился от ударившего в глаза солнечного света. Дунул свежий ветерок – запах краски почти сразу выветрился. В воздухе витал сладковатый цветочный запах.

Передо мной, куда ни глянь, открылась неожиданная картина. Настоящее буйство красок – все вокруг зеленело,

на многочисленных клумбах пестрели разноцветные цветы. Стояли аккуратные здания, дома, заборчики и тротуары.

На деревьях щебетали птицы. Где-то недалеко играла музыка, но слов я не разобрал, хотя мелодия была знакомой.

Сразу за порогом начинались белые ступеньки с кусочками гранита или мрамора, а внизу дорога, покрытая серым асфальтом. Возле клумбы стояла древняя тентованная машина, свежий вид которой заставил меня снова открыть рот. Я даже головой встряхнул, прогоняя наваждение.

– Это же «ГАЗ-52-03», – тихо прошептал я, опознав настоящий раритет.

Подобных машин я не видел лет двадцать. А эта еще и выглядит, будто только недавно с конвейера.

– Лешка... Лешка! – внезапно раздалось откуда-то справа. Ко мне подбежала девчонка лет десяти, тут же засыпав меня вопросами. – Что с тобой случилось? Верка сказала, ты сознание потерял, да? А Василий Степанович тебе помощь оказывал, правда?

Я стоял и хлопал глазами, ничего не понимая. – Настя, отойди, – здоровяк в веснушках ловко отогнал от меня девчонку. – Он еще в себя не пришел, а ты с вопросами накинулась. Как думаешь, человек сознание потерял... Хорошо ему будет?

– О, ну да... Ладно, дома поговорим, – потоптавшись на месте, девчонка быстро скрылась из виду.

Самочувствие быстро приходило в норму.

Я растерянно поднял голову, осмотрелся по сторонам. По огражденной территории бродили ученики разного возраста и совместными усилиями наводили порядок. Кто-то обрезал кусты, кто-то копался в клумбах с цветами. Другие носили ведра, махали метлами, гоняя пыль по сторонам. Это что, школьный субботник?

Одежда у всех тоже странная, какая-то однотипная. Типично советская. В темно-синих, коричневых и оливковых цветах. У парней синие брюки, у некоторых шорты чуть ниже колена, клетчатые рубашки с короткими рукавами. Даже бантики были. У некоторых, что помладше, на шее красовались красные галстуки. Это что, пионеры?

Справа заметил столб. На нем увидел развевающийся на коротком флагштоке красный советский флаг. Традиционный серп и молот, который был знаком каждому.

Невольно сглотнул. Сам собой опустил на ступеньку, нагретую солнцем. Какие только мысли не лезли мне в голову.

Обратил внимание на свои ноги. Что за ерунда? Мои были поросшими волосами, толстыми. Местами покрытые шрамами от ожогов. А тут что? Худые, кожа молодая и гладкая, волос мало и они светлые. Шорты тоже ниже колен. Сверху светлая рубашка с коротким рукавом. А обувь? Какие-то несуразные бело-синие кеды. Откуда у меня все это?

Накатил приступ страха от непонимания происходящего. Этот советский флаг, древний ГАЗ-52, красные плакаты с

советскими лозунгами... И еще эта форма, как у школьников моего детства.

Мысли крутились бешеной каруселью.

Я нервно усмехнулся. Все ясно – просто в госпитале меня обкололи обезболивающими, скорее всего, на наркотической основе. Вот меня и плющит давно минувшей советской эпохой. Надо же.

Рассеянно улыбнулся – это даже любопытно.

– Во! Улыбаешься, значит, уже лучше! – тот же здоровяк, глядя на меня с некоторой тревогой, тоже присел рядом. – На свежем воздухе еще бы. Ты как, Леха?

Второго сопровождающего кто-то позвал, и тот рванул вниз по ступенькам.

А я сидел, потирал виски и удивлялся.

Все правильно, меня зовут Алексей. Только кто этот тип в веснушках – я понятия не имею. А вот он откуда-то меня знал, причем явно хорошо.

– Савельев! Савельев! – послышалось откуда-то сзади.

Я и ухом не повел. Я же не Савельев, Я Семенов. Семенов Алексей Сергеевич.

– Леха, блин. Ты чего? Тамара Сергеевна зовет, – сосед потряхнул меня за плечо. – Это же политрук!

– А, да? Голова раскалывается, – соврал я, снова не узнав своего голоса. Он точно не мой.

Я довольно легко поднялся на ноги, повернулся на голос.

К нам приближалась солидная дама, возрастом далеко за

сорок. Одета была в белую блузку, на которую сверху был накинута пиджак коричневого цвета. Снизу такого же цвета юбка-карандаш, ниже колен. На ногах туфли с небольшим каблучком. Голову украшала непонятная прическа, а на крючковатом носу повисли очки в черной оправе. Она чем-то напоминала высохшую горгулью.

Женщина громко цокала туфлями по бетону, приближаясь к нам.

– Савельев! Трудовик сообщил мне, что вы потеряли сознание, когда красили спортзал, – произнесла она, нахмутив лицо. – Как вы себя чувствуете?

– Вроде бы нормально.

– Сходите к медсестре. Пусть она вас осмотрит!

– Да не нужно...

– Савельев! Тут я решаю, нужно вам или нет! – Тамара Сергеевна бесцеремонно перебила меня, не дав договорить. – Потом отчитаетесь. Еще мне учеников не хватало, падающих в обморок на общественном субботнике. А знаете что, Филатов, сопроводите его к медсестре. Если понадобится, то и до дома.

Она решительно повернулась и направилась куда-то вниз по ступенькам.

– Учеников? – вырвалось у меня. Я, совершенно забыв про здоровяка, что топтался позади меня. – Каких учеников?

– В смысле каких? Это же школа. Мы десятый «Б», через три дня последний звонок. Ну! Ничего не помнишь, что ли?

Да-а, беда...

– Да помню я все, – рассердился я, тут же переключившись. – Просто в голове все путается. А как твое имя?

– Совсем не смешно, – насторожился тот, посмотрев на меня с опаской. – Вот это тебе прилетело. Ты когда в обморок хлопнулся, наверное, еще и головой об пол приложился, да?

– Наверное. Не помню. Так как тебя зовут-то?

Здоровяк обреченно вздохнул.

– Женька я. Все, подъем! Пошли, к медсестре тебя отведу!

– Не хочу, – отмахнулся я.

– Что значит, не хочу? Тамара Сергеевна проверит же.

– Слушай, ну ее, а? – я посмотрел ему в глаза, встряхнул головой. – И субботник этот.

– Ха! Я все понял, не дурак, – тот покрутил головой по сторонам, словно собака-ищейка. – Предлагаю вот что, давай-ка сбежим с субботника? Если спросят, то скажу, что медсестры мы не нашли. Я тебя домой сопровождал. Ну?

– Ага, – рассеянно согласился я, думая о своем. Надо же, как все реалистично получается. Ни одного сна у меня еще не было, чтобы с такими подробностями.

Все чаще мой взгляд натывался на детали, характерные для восьмидесятых годов прошлого века. Советский Союз? Эти плакаты, одежда, музыка еще...

Как раз в этот момент неподалеку заиграла песня, которую я знал очень хорошо:

*«Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе,
земля в иллюминаторе видна
Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери
Грустим о Земле, она одна»*

– Жень... Это что, «Земляне»? – не веря своим ушам, спросил я.

– Ну да. Классная песня. Пошли уже, чего расселся?
Но пойти в этот момент мы не смогли.

Входная дверь внезапно распахнулась и оттуда выскочила стайка девчонок, одетых в традиционную темно-синюю школьную форму. Они звонко смеялись, болтали. В руках были книги, свернутые рулоны бумаги, флаги.

При появлении школьниц Женька как-то сразу про меня забыл. Уставился на девчонок. Кажется, даже облизнулся. Глаза восхищенно блестели.

– Ты чего? – спросил я, пытаясь понять, куда именно он смотрит.

– А? Гляди! Катька сегодня такая красивая. Эти хвостики... Первая комсомолка в школе, – мечтательно пробормотал Филатов. – Я слышал, она после учебы будет поступать в институт. На ветеринара.

Я сразу же понял, кто именно его заинтересовал. Окруженная подругами, симпатичная брюнетка с собранными на затылке волосами. Возраст примерно лет семнадцать. Она постоянно хихикала, вертелась по сторонам и что-то говори-

ла подругам.

Так, ясно, Женьке она определенно нравилась.

Мозг, наконец, начал потихоньку анализировать обстановку. Почти сразу я отметил, что у всех учеников возраст примерно одинаковый, пятнадцать-семнадцать лет. Были, конечно, и младшие классы, но они работали преимущественно на других участках. Судя по тому, что людей вокруг было довольно много, я предположил, что привлекли весь выпускной класс... или даже всю школу. Майский субботник... Сейчас май, определенно. Мозг военного с каждой секундой адаптировался в новом социуме.

Отметил, что головная боль почти прошла. Мысли сами собой как-то упорядочились, а не кружились в голове безумной каруселью, сбивая с толку. Растерянность постепенно сходила. И это хорошо.

Так же ощутил и другое – непонятно откуда в голове стали всплывать имена и фамилии. Отдельные события. Они вроде и были незнакомыми, но в то же время я откуда-то их знал. Что за ерунда?

– Что-то пить охота, – сказал я, ощутив жажду.

– Да я бы тоже не отказался. С самого утра то веник, то кисточка... А погнали в «Ручеек» забежим, ну? Санька Фролов вчера говорил, что новый вкус лимонада привезли из Москвы. «Экстра-Ситро» называется. Мы такой еще не пробовали.

– Ну так чего ждем? Пошли!

Я усмехнулся, поднялся на ноги.

Все это было даже забавно. Ну что же, раз я смотрю «мультики» про Советский Союз, да еще и участвую в них... Нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Конечно, где-то в голове промелькнула тревожная мысль – а может, это никакие не глюки? Может, все происходящее реально?

Да ну, бред. Как такое вообще может быть?!

Самое простое объяснение происходящему вокруг – я в медикаментозной коме, а все это мне снится. Ну или как там бывает у тех, кто «ушел в себя» и под препаратами лежит.

Мы спустились вниз, двинулись вдоль ступенек влево. Прошли вдоль клумбы с цветами, мимо молодых сосен. Удивительно, но тело больше не штормило, голова не кружилась. Я ощущал в себе столько энергии, что даже слегка растерялся. В мои сорок восемь лет, учитывая характер военной службы, болячек уже хватало. Язва желудка, поясничная грыжа, почки еще застужал не раз. Из-за постоянной нагрузки суставы тоже давали о себе знать, причем в самый неподходящий момент. Еще и зубы задолбался чинить – как ни вернусь из командировки, обязательно к стоматологу. А эти знахари так и стремятся выкачать с тебя побольше, предлагая чинить даже то, что не нужно.

Неосознанно прощупал языком свои зубы. Удивительно – все на месте и целые. Даже пломб не было. Да и спина почему-то не болела, от слова «совсем».

Куда идти – я понятия не имел, поэтому слегка отставал,

следуя за Женькой. Город и город, название меня почему-то в данный момент не волновало.

– Эх, сейчас на Тамару Сергеевну не нарваться бы, – он тревожно озирался по сторонам. – Влететь можно, еще на выпускной не допустит. Она еще та мегера. Помнишь, Степанову зимой как прилетело?

– Ага, – ответил я, естественно не помня никакого Степанова. – Вижу политрука! – я разглядел ее силуэт далеко справа. Отчитывала за что-то троих девчонок, среди них была Катя.

– Как она за школьные годы уже достала, – пожаловался Женька. – По совместительству не только политрук, но еще и завуч. Ни покурить нормально, ни отойти. Везде свой нос сунет. Мне кажется, у нее в голове магнит – она как чувствует, куда нужно идти, а куда нет.

– Ясно. Далеко еще идти?

– Нет. Недалеко, – тот снова окинул меня подозрительным взглядом.

– Да не смотри ты так. Все нормально со мной, амнезия проходит, – бодро произнес я. – Через пару часов буду как огурчик!

Мы прошли по небольшой аллее, засаженной цветами, миновали ворота и вышли на улицу. Справа, метрах в тридцати стояло довольно большое строение, с большими панорамными стеклами. Сверху красовалась неброская вывеска «Ручеек». Из-за приоткрытой двери раздавался звон стек-

лянных бутылок. Ну, или стаканов.

Едва мы вошли внутрь, в нос ударил давно забытый запах настоящей газированной воды. Он приятно щекотал ноздри, напоминая о далеком детстве. Неожиданно пришел к мысли – разве в бреду ощущаются запахи?

Весь прилавок и стеллажи за ним были заставлены темно-зелеными пол-литровыми бутылками. Вдоль стены стояли многочисленные ящики, в которых угадывалась пустая стеклянная тара. На торговой стойке стояли подносы с перевернутыми вверх дном, чистыми гранеными стаканами. Немногочисленные круглые столики на выходе из магазина говорили о том, что здесь можно не только купить, но еще и распить купленную газировку. Сверху, под потолком, тихо жужжа крутились огромные вентиляторы с тремя лопастями, поэтому в магазине было прохладно.

Внизу, у самой стойки, я заметил небольшой картонный коробок, засыпанный жестяными крышками от бутылок. Тут же стояли квадратные алюминиевые стяжки, заменявшие ящики для переноски. В них всегда помещалось строго шесть штук, лишнее не впихнуть.

– Теть Тань! – повеселевший Женька сразу полез к стойке. – А можно нам «Экстра-Ситро»? По стакану... Не, лучше по два.

– Женя, я же говорила уже! С утра нужно было приходиться! – всплеснула руками тетя Таня, одетая в серый халат продавца. – Все, на сегодня закончилось «Ситро». Вы бы еще

вечером пришли.

– А что есть-то? – поинтересовался я.

Мне страшно хотелось поскорее ощутить этот вкус советского лимонада. Сравнить его с тем, какой я помнил из своего детства. Если в реальности такой уже не попробовать, то хотя бы так...

В голове снова нарисовалась робкая мысль о том, что все это никакой не медикаментозный сон, а самая что ни на есть настоящая реальность. Отмахнулся. Этого мне еще не хватало. Мне башку прострелили, а я тут фантазирую.

– «Лимонад», «Буратино», «Дюшес» еще, – улыбнулась продавщица, поправив чепчик.

– «Буратино», можно?

– Конечно, – она потянулась за чистыми стаканами. – По два каждому?

– Ага.

Я только сейчас понял, что денег-то у меня нет. Прощупал карманы – ничего. Женька это дело заметил.

– Не суетись. Я заплачу, – здоровяк протянул ей копейки.

– Верну обязательно, – мне было слегка неудобно.

Тот только махнул рукой, мол, не парься.

Улыбающаяся тетя Таня подала нам по полному стакану пенящегося напитка. Брызги от лопавшихся пузырьков газа летели во все стороны. Еще два стакана уже стояли на стойке.

Я тут же прижал тару к губам и сделал большой глоток.

Неожиданно ностальгия ударила с такой силой, что я, вы-

тарасив глаза, отстранился от стакана, едва не пролив содержимое. Вкус был тем самым. Ярким и настоящим. Такие вещи запоминаются на десятилетия, а то и больше. Мне сорок восемь, а многие вещи я помнил, будто вчера...

Язык приятно пощипывало, хотелось зажмуриться от удовольствия.

В голове пронесся целый рой самых разнообразных мыслей. Ощущение реальности накатило так правдоподобно, что я мгновенно забыл о «мультиках». Представление об этом стало каким-то блеклым, не соответствующим реальности. Внезапно я откуда-то вспомнил свой домашний адрес, имена родителей. Номер школы, в которой учился. И город. Город тоже вспомнил...

– Жень. Женя, – тихо позвал я здоровяка. – А в каком городе мы живем?

– Ты опять, блин? – нахмурился он, отстранившись от стакана. – В Припяти!

Глава 3. Восьмидесятые...

– Припать? Что за бред? Это же мертвый город...

– Что ты там бормочешь? – Женька увлеченно смаковал пенящийся напиток.

Мысль о том, что я лежу в госпитале под медикаментозной комой, больше не казалась мне настоящей. Мне выстрелили в голову – после таких ранений не выживают, статистика очень низкая. Сейчас напрашивалось другое, более невероятное мнение...

Что, если я погиб в своем времени, и мое сознание каким-то образом переместилось в прошлое?

Обратил внимание на стоящую на соседнем столике пустую бутылку. Пригляделся и заметил, что на этикетке стоял вырез напротив года и месяца. Сейчас так уже не делают.

– А год тысяча девятьсот восемьдесят пятый, да? – предположил я.

Женька только кивнул и усмехнулся.

– Восемьдесят четвертый!

Я реально попал в прошлое? И какое прошлое? Кажется, в эпоху начала перестройки СССР, в середину восьмидесятых годов прошлого века. Хотя нет, перестройка началась с приходом Горбачева, уже позже. Невероятно.

Получается, я угодил в собственное тело, в возрасте семнадцати лет? Ну, нет! Точно, нет. В семнадцать лет меня уже

не было в Припяти – ее эвакуировали, когда мне было тринадцать. Значит, тело чужое, хотя тоже советского ученика выпускного класса. С тем же именем, но другой фамилией. Да и школа не моя была, я точно в другой учился.

Как все это объяснить-то? Почему все так получилось?

А что, если высшие силы дали мне второй шанс поменять свою жизнь? Или цель куда более глобальная?

Пока задавал себе эти вопросы, сам не заметил, как выглушил весь лимонад, причем с обоих стаканов сразу. Я облизнулся, посмотрел по сторонам. В голову пришла занятная мысль.

– Женька, а поблизости булочная есть? – насколько я помню, хлебные магазины в Советском Союзе назывались именно так.

Над названиями тогда долго не думали, чем проще, тем лучше. Запоминающиеся названия вроде «Хлеб», «Молоко», «Мясной», были самые ходовые. «Гастрономы» еще. От одной мысли, что все это я могу увидеть снова, стало тепло на душе, разбавив тяжесть осознания того, что меня все-таки застрелили. На мгновение растерялся, но тут же отпустило. С самообладанием у меня всегда было нормально.

– Есть, конечно. Вниз по улице, справа, – тот, видимо, уже привык, что я задаю странные вопросы, поэтому отреагировал нормально.

Я вдруг заметил, что в «Ручейке» в центре зала потолок подпирали две массивные колонны, на которых крепились

большие прямоугольные зеркала. Мне ужасно захотелось посмотреть на свой внешний вид.

– Сейчас вернусь, – пробормотал я и направился к ближайшему зеркалу.

Подходил осторожно, словно опасался увидеть что-то страшное.

Хоть я и представлял себе примерный внешний вид, все равно реальность оказалась неожиданной. На меня смотрел худощавый, невзрачного вида парнишка, лет семнадцати. Может, немного меньше.

Бледное, ничем не примечательное лицо, типичная советская прическа. Чем-то похож на ботаника, только очков не хватает. Из одежды светлая рубашка с коротким рукавом, темно-синие шорты ниже колен и кеды. Взгляд внимательный, задумчивый. Чуть вздернутый нос, но не смешная «картошка». Темные глаза, немного растерянный взгляд.

Даже не знаю. Помнится, в своем детстве я выглядел иначе. Дружил со спортом, участвовал в соревнованиях по бегу и легкой атлетике. Звезд с неба, конечно, не хватал, но результаты были неплохими. Помню, что помимо занятий спортом, я частенько посещал городскую библиотеку. Хотел стать физиком-атомщиком...

– Что, давно себя в зеркало не видел? – усмехнулся Женя-ка.

– Ага... Слушай, а давай в булочную? – я повернулся к другу, ожидая согласия. – Чет проголодался.

Но ответить тот не успел. Входные двери распахнулись, и в магазин с шумом и гомоном ввалилось четверо парней обычной, хулиганской наружности. Возраст примерно тот же, что и у меня. Одеты почти однообразно – свободные джинсы и расстегнутые рубашки навыпуск. Руки обязательно в карманах, на головах кепки, почти ничем не отличающиеся от современных.

– О! Савельев! – тот, что шел впереди, увидев меня, даже обрадовался.

– Пашенко... Опять! – не скрывая досады, произнес Женька, отодвигая меня в сторону. – А ну-ка...

Я уже понял, что ничего хорошего ожидать не стоит – моя кандидатура, точнее, моего предшественника в этом теле, почему-то их сильно интересовала. Не удивлюсь, если раньше мне прилетало от этих индивидов.

– Савельев, ты опять сюда притащился? – с ходу начал Пашенко, глядя на меня с какой-то ехидной усмешкой. – Я же тебя предупреждал, тут лимонад наливают только мне и моим друзьям. Ну, что непонятного?

Остальные трое стояли в паре шагов сзади, неровным полукругом. Один из них был явно крупнее остальных, но вот глуповатое выражение лица явно не делало его лидером. Они зачем-то перегородили вход. Наверное, на случай, если я решу убежать, что ли? А с какого перепугу мне это делать?

– Пашенко, шел бы, а? – устало произнес Женька, чуть подавшись вперед, как бы прикрывая меня собой.

– Филатов, ну не лезь, а? – тот скривился, словно от зубной боли. Затем снова взглянул на меня. – Короче, Савельев! С тебя два стакана лимонада. Каждому. И разойдемся. Теть Тань, дайте восемь стаканов лимонада. Савельев оплатит.

Однако продавщица даже не пошевелилась, глядя на нас хмурым взглядом. Она-то понимала, к чему все идет.

– Сам заплатишь! – с вызовом произнес я, мысленно скривившись от своего слабого голоса. Так-то, за столько лет военной службы голос у меня был поставлен как надо – если гаркну, слышали все. А тут...

Смотрел на оппонента без всякого страха, для дополнительного эффекта еще и усмешку соорудил. Ага, буду я всякую шушеру уличную лимонадом поить? Ха!

– А-э? Я чет не понял... – Пащенко обернулся к своим, видимо, за поддержкой, а затем перевел наглый взгляд обратно на меня. – Савельев, у тебя голос прорезался? Похвально. Только не к месту совсем...

Он попытался ткнуть меня пальцем грудь, но Женя выдвинулся вперед. Габаритов он был нормальных, поэтому Пащенко в нерешительности остановился. Остальные придвинулись ближе, но было видно, что Женьку они трогать почему-то не хотят.

– Жень, отойди... – спокойно попросил я, положив ему руку на плечо.

– О! Хо-хо! – обрадовались подельники, потирая руки. – Савельев заговорил! Все как тогда, хах.

– Так! А ну, быстро вон из магазина! – вдруг заверещала тетя Таня, выйдя из-за прилавка и уперев руки в бока. – Живо! А то милицию вызову!

Волшебная фраза подействовала.

– А знаешь, давай-ка выйдем... – ухмыльнулся Пащенко, глядя на меня с издевкой. Кивнув своим друзьям, он произнес: – Идем, на улице и света больше, и места.

Те, напрочь забыв про лимонад, радостно загалдели. Двинулись к выходу.

Я непринужденно двинулся следом за ними, но Женька меня придержал.

– Леха, ты чего? Головой стукнулся?

– Все нормально будет, – ответил я. – Ничего они мне не сделают.

Конечно, не сделают. У меня десять лет стажа в армейском рукопашном бое, причем с регулярной практикой. Не то чтобы это было в обязательку, просто сам иногда так служебное напряжение сбрасывал. Так-то служба в РХБЗ войсках не включала в себя тренировки подобного плана – это чисто моя инициатива. К тому же мне сильно повезло – в свое время тренер попался достойный.

Женя посмотрел на меня удивленными глазами, но ничего не ответил. А я спокойно обошел его и толкнул ногой входную дверь.

Они уже ждали снаружи, хотя вид у них был совсем не торжествующим. Причина выяснилась сразу – у соседнего

здания стоял желтый «УАЗ-469 АП» с синей дверью и полосой на боку и таким же проблесковым маячком на крыше. Надпись «милиция» на полосе заметно остудила их пыл. Внутри сидели двое сотрудников в форме, как раз поглядывая в нашу сторону.

– Тьфу ты... Повезло тебе, Савельев, – прошипел Пашенко, глядя на меня со злобной усмешкой.

– Ага... Ну, если что, увидимся! – кивнул я, еще и рукой помахал.

Тот дернулся, аж покраснев от возмущения.

– Вот дрыщ, а! Ну ничего, земля квадратная, можно за углом встретиться! – он поправил кепку и обратился к своим: – Идем, а то еще менты прицепятся. Терпеть их не могу.

Я проследил за компашкой взглядом, затем выдохнул. Жаль, что так получилось. Я-то уже настроился. Сзади шумно дышал Женька.

– Ну ты даешь... – выдал он, глядя на меня с некоторым уважением. – Они же теперь точно от тебя не отстанут.

– Ничего. Мы негордые, подождем. Ну что, где булочная?

– Идем, – немного помедлив, он двинулся направо, а я последовал за ним.

Через минуту я совершенно забыл о Пашенко и его гоп-компании. Здесь было столько интересного, что я даже перестал смотреть себе под ноги. Едва не споткнулся о мусорный бак.

Дома, машины, люди...

Вот, на углу слева стоит голубая тележка-вагончик, со светлой тентированной крышей. На боку снежинка и изящная надпись «Эскимо». За вагончиком сидела на табурете молодая продавщица, в белом фартуке и косынкой на голове. Я невольно облизнулся, все мороженое из детства было вкуснейшим! А получалось так именно за счет своего натурального состава. В целом, состав-то был натуральный, только вот молоко там использовалось не всегда. Ассортимент, правда, скромный был, всего два-три вида. Но зато сколько оно приносило радости детям...

Дальше, в нескольких метрах располагался обувной магазин. Даже отсюда было видно нехитрый ассортимент женских туфель, выставленных на полках в три ряда. Моделей немного, да и расцветка довольно скудная. Зато женщины в таких могли годами ходить, не меняя каждый сезон. Качество позволяло, делали на совесть.

На другом стеллаже размещались мужские лакированные туфли, полуспортивные кеды, сандалии. Магазин был небольшой, но очевидно пользовался популярностью.

С другой стороны улицы размещался рыбный магазин. Назывался довольно оригинально «Океан». Ко входу как раз подъехала машина «Зил-130», именуемая автоцистерной для транспортировки живой рыбы. На боку бочки отчетливо читалась соответствующая белая надпись.

Очереди не наблюдалось, но только за то время, что я на него смотрел, внутрь вошло сразу четыре новых покупате-

ля. Помню, как мама приносила домой замороженные тушки хеков, а кот Васька орал под столом, чтобы ему тоже дали.

Вспомнил и улыбнулся. Эх, детство...

– Леха, ты куда? – окликнул меня Женька.

Обернувшись, я увидел его у входа в булочную. Оттуда как раз выходила старушка с маленькой внучкой за руку. Девочка увлеченно грызла большой бублик с маком.

Едва мы вошли внутрь, как у меня едва слюни не потекли. Запах там стоял такой, что я услышал голодное урчание собственного желудка. Сглотнул, огляделся по сторонам.

На деревянных прилавках своеобразной «горкой» были уложенные большие деревянные стеллажи, на которых лежали свежие батоны, булочки, бублики. Больше десяти наименований и все выглядели настолько аппетитно, что снова облизнулся. Справа висела огромная связка сушек, за ней еще две, но уже с маком.

Я подошел ближе, увидел такие знакомые рогалики с сахарной присыпкой, сдобы по «девять копеек». Они тогда так и назывались. Помню, отправляли меня в магазин, а мама обязательно подсовывала девять копеек, как раз на такую сдобу. Шел домой и кайфовал, усиленно работая челюстями. Это я уже потом начал подозревать, что деньги мне давали, чтобы я хлеб с краев не обгрызал.

Судя по времени, совсем недавно с хлебозавода привезли свежее испеченную партию изделий, поэтому и аромат был просто изумительный.

– Жень, у тебя лишних копеек в долг не найдется? – спросил я у друга.

– Держи, – тот без возражений отсчитал мне двадцать копеек. – И мне тоже бери.

Рассчитавшись с продавцом, я получил две румяные сдобы, покрытые сверху сахарной глазурью.

Вышли на улицу, где я сразу же впился в нее зубами. Зажмурился от удовольствия – вновь накатила ностальгия.

– М-м-м, обалдеть как вкусно!

– Ты как с голодного края, – заметил Женя, забирая свою сдобу.

– Да блин, что-то после этой краски... На еду пробило. Сам не пойму почему, – отбрехался я, наслаждаясь свежей восхитительной выпечкой.

– Вообще-то, уже скоро обед, – заметил Женя, тоже работая челюстями. – В школу уже не пойду, лучше сразу домой. Ты как себя чувствуешь, нормально?

– Лучше не бывает, – ответил я.

Возможно, со стороны это и выглядело странно – сидят два парня на лавочке и уплетают булки. Но для того времени это было нормально. Я снова вспомнил, как возвращаясь домой с купленной буханкой хлеба за двадцать копеек, всегда обгрызал горбушку. Иногда, если успевал, то и с двух сторон. А дома говорил, что это мыши погрызли. Правда, это я лет в десять так делал. Потом перестал.

Где я жил, точно не помнил. В голове крутилась улица

«Спортивная», но вот номер дома я почему-то вспомнить не мог. Память реципиента, в чье тело я попал, периодически подсказывала тот или иной момент, что было очень удобно.

Почему реципиента? Да потому что именно это определение тут наиболее уместно. Судя по всему, прежний обладатель тела, надышавшись краски, почему-то помер... А я занял его место. Вот такие пироги.

Покончив с перекусом, я просто откинулся на спинку лавочки, довольно зажмурился. Затем принялся с интересом смотреть на проезжающие мимо автомобили, большинство из которых в моем времени уже просто не увидеть.

Двадцать первые «Волги», четыреста восьмые «Москвичи», «Чайки» и «Запорожцы». А вот проехала оранжевая двадцать первая «Нива». Было также много разноцветных копеек, двоек и троек, пятерок, а среди них даже мелькнула новейшая восьмерка. Жаль, вишневых девяток тогда еще не было, да и иномарок я почему-то не заметил.

Посидев еще несколько минут, Женя заскучал.

– Чего ты тарачишься по сторонам? Ждешь кого-то?

– Да не... Просто давно всего этого не видел, – отмахнулся я, не подумав над ответом. Вовремя спохватился. – Тьфу, в смысле... Машины, редкие давно не видел.

– А-а... где редкие-то... – зевнул тот, затем заинтересовался голубями. Те ползали под лавочкой, гугукая и увлеченно собирая крошки.

Время потихоньку шло. Мимо ходили люди, не обращая

на нас никакого внимания.

Вот мимо нас родители провели девочку на маленьком красном трехколесном велосипеде. А там совсем крохотную ляльку везут в полностью открытой коляске. Прошел старик, опираясь на трость.

– Скоро отец с работы придет, – произнес друг, глядя на часы. – Вечером на пикник, шашлыки будем жарить. А потом картошку запечем в углях... М-м!

– Ай, не трави душу. Я бы сейчас от шашлыка совсем не отказался, – где-то в желудке заурчало. – Слушай, а кем у тебя отец работает?

– Да строителем на станции.

– Какой еще станции? – обронил я, особо не задумываясь над вопросами.

– На атомной. Имени Ленина.

Едва услышав это, я мгновенно забыл про машины, про магазины... Посмотрев на друга с изумлением, я спросил:

– Чернобыльской?

– Нет, блин. Японской. Леха, заканчивай уже чудить.

Я снова впал в ступор. Вот так совпадение. Я попадаю в начало восьмидесятых годов Советского Союза, в молодое тело самого обычного школьника. В те годы, когда Припять, считающаяся уникальным молодым атомоградом, еще цвела и развивалась. А ведь я совсем забыл, что неподалеку находится Чернобыльская Атомная Электростанция, четвертый энергоблок которой взорвется примерно через два года.

А что, если мое перемещение в это время носит особый смысл? Ведь в моих руках очень важная информация о будущем этого города, района. Страны в целом. Сколько жизней я смогу спасти, если... Что, если попытаться предотвратить аварию на Чернобыльской АЭС?

Это показалось мне смелой, дерзкой, но вместе с тем и крайне важной, даже благородной целью. Дело, бесспорно, правильное, заслуживающее особого внимания, хотя и чертовски сложное. Осознание этого пришло ко мне случайно, но не просто так. Когда есть цель – становится как-то спокойнее. Ведь просто бродить по городу, без всякой цели на будущее – само по себе глупо.

Если подумать, именно та страшная авария и не дала мне стать тем, кем я хотел быть изначально. Я превратился в военного, офицера войск РХБЗ, позабыв про свои грандиозные планы стать физиком-атомщиком. И что в итоге? По долгу службы я все равно продолжал иметь дело с ядерными отходами, топливом, радиоактивными и химическими элементами. Отравляющими веществами, биологическими составляющими... Погоня за всем этим и привела меня в могилу – туда, в жаркую и пыльную, богом забытую Сирию.

Так, может, это мой шанс? Шанс начать жизнь заново – возраст-то подходящий? Все дороги открыты. Я могу стать кем угодно, с легкостью заработать состояние. Стоп! А что если...

Еще одна мысль показалась мне настолько безумной, но

самое главное – безусловно правильной, что я даже немного завис. Видимо, я настолько ушел в себя, что не сразу понял – Женька дергал меня за рукав и повторял:

– Эй, Леха! Я домой, слышишь?

– А? Да, давай, – растерянно произнес я. – До завтра.

С Женькой мы разошлись быстро. Повторно справившись о моем здоровье, он рванул куда-то в ту же сторону, откуда мы пришли. Договорились встретиться завтра в школе. Субботник был рассчитан на два дня.

Посидев на лавочке еще некоторое время, я поднялся и двинулся вниз по улице. Постепенно начинал узнавать улицы, которые знал с раннего детства.

Удивительно, но память реципиента все-таки подсказала мне мой нынешний адрес, туда я и двинулся. Шел, погружившись в свои мысли. Заметил слева панельную пятиэтажку, рядом раскинулся небольшой парк. Справа, посреди большой парковой площадки строилось колесо обозрения. То самое, легендарное колесо, на котором ни один ребенок так и не прокатился...

Я подумал и решил срезать через гаражи – их тут как раз было много. Повернул туда, чуть прибавил скорости. Хотелось поскорее добраться до дома, чтобы привести мысли в порядок. Может, еще чего-нибудь вспомню.

Плотные ряды серых гаражей были абсолютно идентичными друг другу, отличаясь только цветом ворот. В основном преобладали синие, красные и зеленые. На некоторых

краска облупилась, и они выглядели шербатыми.

На нескольких гаражах двери были открыты, приподнятые на домкратах машины, стояли снаружи. Вокруг уставших авто, помимо хозяина, крутилось по двое, а то и трое помощников. Периодически раздавался то звон инструментов, то звяканье стаканов.

Я шел и улыбался. Как же все это было мне знакомо.

В нос ударил запах свежей, только что расплавленной смолы. Оказалось, совсем рядом на одном из крайних гаражей заливали крышу – у входа горел костер, на который водрузили бочку с битумом. Оттуда поднимался дым, булькал гудрон. Был у отца свой гараж, и крышу мы тоже когда-то заливали.

Тут меня посетила любопытная мысль. Если я попал в это время, то где-то в городе живу и настоящий я, в возрасте одиннадцати с лишним лет. Что же, получается, меня здесь двое?

Сложный вопрос, который стоило бы обмозговать. Только позже. Сейчас бы до дома добраться, обдумать все. Слишком много мыслей накопилось в голове, а это нервировало. Так, судя по времени, сейчас где-то часа два...

Навстречу шла бабушка с обыкновенной капроновой авоськой в руках. Судя по содержимому, там была мытая морковка. За ней по пятам следовал кот, который отчего-то решил сопроводить хозяйку авоськи до дому.

Я прошел весь гаражный ряд, свернул направо и едва не

налетел на знакомую компанию. Старый «знакомый» Пащенко с дружками сидели на лавочке, плевались семками во все стороны и дружно ржали.

– Миш, гляди, кто идет! – крикнул один из них, тыкая в меня пальцем.

– О! Савельев! – оживился Пащенко, откладывая свернутый из газеты стаканчик с черными семечками. – А мы тут как раз тебя ждем...

Глава 4. Первые проблемы

– Семки есть? – словно не услышав этого самого Мишу Пащенко, я решительно двинулся к ним навстречу. – А если найду?!

– Чего? – тот, явно не ожидая такого развития событий, даже растерялся. – Перепутал, да? Ты мне еще за лимонад не ответил...

– Ну, так давай, отвечу. Тебе как, со сдачей или без? – дерзко заявил я, продолжая идти вперед.

– Ля, дурак! – засмеялись дружки, тыкая в меня пальцами. – Да он совсем страх потерял... Миша, вмажь ему!

Пащенко хохотнул, шагнул навстречу, при этом злорадно ухмыляясь. Он уже мысленно праздновал свою победу, прикидывая, с какой руки ему сподручнее мне зарядить.

Вот только глаз у меня наметанный – до армейского рукопашного боя, я полгода ходил на бокс, но там у меня не срослось. Однако я на всю жизнь запомнил слова тренера, что по движению плеч можно предугадать, какой рукой будет наноситься удар.

И я не прогадал. Мельком успел заметить, как дернулось его правое плечо.

Пащенко с ходу выкинул руку вперед, целясь мне в нос.

Я ловко ушел влево, перехватил руку противника и совершив болевой прием, со скручиванием кисти, одновременно

выкрутил ее в локтевом суставе сзади. Миша подобного приема, естественно, не ожидал. Он громко вскрикнул, согнувшись пополам.

Тут и сила не нужна, просто отработанная техника.

Выполнив, в общем-то, простой прием, я сразу же двинул ему коленом под ребра. Ударил несильно, но все-таки мышечный спазм был ему обеспечен. У Пащенко сперло дыхание, он захрипел. Толкнув его ладонью в затылок, я наблюдал, как соперник, жадно хватая ртом воздух, рухнул на колени, едва ткнувшись лицом в землю.

Удивительно, хоть это тело и не мое, но я почему-то помнил, чему меня когда-то учили. Видимо, скопировалась не только моя основная память, но еще и мышечная. К тому же, как известно, мозг управляет телом. Вот и получалось, что от перемены мест... Впрочем, это лишь мои догадки.

Дружки Пащенко, кто сидя, кто стоя, смотрели на нас с нехорошими насмешливыми ухмылками на лицах. Но эти же лица сейчас вытягивались от изумления. Где это видано, чтобы вчерашний тихоня давал грамотный отпор местному авторитету, да еще и в честном бою?!

– Это чо... Это как он его, а? – тот, что стоял ко мне ближе всех, мгновенно растерялся, посмотрев на остальных.

– Миша, ты как? – громко спросил другой, поднимаясь с лавочки.

Но говорить Миша сейчас не мог, он усиленно боролся с собственным спазмом, сковавшим легкие. Привстал, куда-то

махнул рукой.

– Пацаны, да щас мы его загасим! – крикнул третий. При этом надо заметить, что он был самым крупным из них. Вероятно, еще и самым глупым. Даже по выражению лица все было очевидно.

Что уж тут говорить, оказал я на них должное впечатление, не поспоришь. Для закрепления эффекта, я еще и пританцовывал на месте. Однако ринуться на меня толпой они почему-то передумали...

– Чего застыли?! Подходи по одному, люлей всем хватит! – расслабившись, произнес я. – Или слабо?

Самый крупный бугай, по имени Генка, глядя на меня как бык на красную тряпку, отодвинув попавшегося на пути товарища. Раскинув руки в стороны, он, словно бешеный носорог, попер на меня, надеясь только на свою грубую силу.

Я снова ушел влево и, подставив ему подножку, пропустил мимо себя. Он чертыхнулся, потерял равновесие и припал на колено. Скользнул к нему, ударил его кулаком в левое ухо.

Но то ли силы в этом теле было мало, то ли здоровяк оказался крепким – удар с ног его не свалил. Зато я отчетливо услышал, как у меня хрустнуло в лучезапястном суставе. Прострелила острая боль, и хотя я попытался не подать виду, я едва сдержался, чтобы не вскрикнуть.

Тот тряхнул головой, повернул ко мне багровую от злости морду, привстал. Потрогал пострадавшее ухо, а затем вытащил из кармана брюк складной нож-бабочку Тульского про-

изводства – их невозможно не узнать. Выглядели они совсем иначе, чем те, что в моем времени можно купить в любом военторге.

– Ну Савельев, с-сучара... – зарычал бугай, буравя меня маленькими свинячьими глазками. – Иди сюда, герой недоделанный!

– Э! Генка, ты че творишь?! – заголосили его подельники, но слова на отморозка никак не подействовали. – Нож убери, Генка! Да ты с ума сошел?!

– Тебе конец! – зарычал он.

Расставив руки в стороны и размахивая ножом, отморозок двинулся прямо на меня, при этом продолжая ухмыляться. Такой метод устрашения напугает только новичка, но никак не опытного бойца. Не скажу, что я прям мастер ножевого боя, но кое-какие познания у меня все-таки имелись.

Я чуть отступил, приготовился, ожидая нападения. И вдруг...

– Ой, караул! Люди, что делается?! Убивают! – вдруг заголосил кто-то справа. Взглянул, а это бабуля с морковкой вернулась. Только уже без кота.

На ее голос из-за ближайшего гаража показался мужик с гаечным ключом, затем второй. Я отвлекся, однако Гена коварно воспользовался этим моментом в своих целях. Противник рывком ринулся ко мне, взмахнул ножом.

Краем глаза я увидел приближающуюся угрозу, даже попытался отреагировать. Но острое лезвие рассекло мне ко-

жу от запястья, почти до локтя... Где-то глубоко, где-то вскользь. И тем не менее я контратаковал. Рывком бросился вперед, обхватил его верхнюю часть тела руками и ногами, смещая центр тяжести, всей своей массой заваливаясь назад и влево. Получилось не очень эффектно, но зато я добился своего.

Не ожидавший такого противник рухнул, словно мешок с картошкой. Его рука с зажатым в ней ножом оказалась у меня в захвате. Применяв болевой прием, я заставил его выронить нож и заорать от боли. Ловко двинул локтем ему в нос, отчего тот булькнул и затих.

Мужики с криками подскочили к нам, увидели меня заляпанного кровью.

– Э-э... Разбежались!

– Все, валим, пацаны! – захрипел Пащенко, к этому времени уже пришедший в себя и поднявшийся с колен.

Все трое бодро ломанули наутек, однако Генка никуда убежать не смог.

– Эй, да он тебя порезал, что ли? – один из подбежавших увидел нож. Оттащил от меня обмякшего Генку, затем окликнул товарища: – Серега, сгоняй за угол, там автомат. Скорую помощь нужно, гляди, сколько крови! Парень, где пырнул? Подожди, сейчас помогу!

Серега послушно рванул вперед, скрывшись за гаражами.

Через минут десять в проезд между гаражей въехала сначала машина милиции, а за ней и скорая помощь. Скорее

всего, диспетчер сообразил перекинуть вызов и на соседний номер экстренной службы.

Генку привели в чувство. Мне тут же оказали первую помощь, обработав резаную рану. Порез был несильно глубокий, но зато по всей длине – нож у отморозка оказался очень острым. Мое счастье, что лезвие только в одном месте повредило вену.

Дежурный врач с помощником сделали все аккуратно. А вот сустав у меня явно пострадал серьезнее. Рука опухла, отдавалась болью. Сказали ехать в поликлинику и делать рентген. Хотел было отказаться, но меня тут же принудили – я то и дело морщился от боли.

Прямо на месте все зафиксировали, оформили как хулиганство с причинением легкого вреда для здоровья. Естественно, меня оформили как потерпевшего – свидетели были.

Показания брал какой-то молодой лейтенант, но делал он это как-то нерасторопно. Даже лениво. Особенно после того, как записал фамилию Генки – кстати, с ним лейтенант разговаривал отдельно. Из их разговора я услышал только несколько слов, но даже общего смысла не уловил.

Закончив и определив парня в патрульную машину, лейтенант направился ко мне. Рассказал ему, как все было, мужики из гаражей подтвердили. Даже бабуля с морковкой участвовала в даче показаний. По ее словам, тут как минимум вооруженная банда жестоких рецидивистов работала.

Погрузили меня в карету скорой помощи – это был традиционный для того времени белый рафик с красной дверью, такой же полосой на боку и, конечно же, синей мигалкой-капсулой на крыше. Пока залезал внутрь, невольно улыбался, несмотря на то, что было неудобно, а рука ощутимо болела. Внутри скорой пахло дезинфицирующим раствором и почему-то касторкой.

В отделении травматологии мне довольно быстро сделали рентген, выявив повреждение суставной сумки, с незначительным смещением. Перелома, к счастью, не было.

Травматолог оказался матерым специалистом, все делал аккуратно и с пояснениями. Пока он проводил процедуры, поинтересовался, откуда у меня такая травма – сведения о самом факте нападения дальше регистратуры пока еще не ушли. Ну и я рассказал, как все было, опустив подробности моей подготовки.

Выслушав, врач, конечно, похвалил, но при этом дал пару дельных советов.

– Парень, раз такое дело, нужно тебе мышцами заниматься. У боксеров такое часто бывает, когда удар не поставлен. Бил-то ты хорошо, а вот тело подвело. Хм, значит смотри... Сустав я тебе вправил, но! Неделю придется походить с гипсом. Лучше фиксирующую повязку, но у меня жгутов нет и бинтов мало. Гипс как бы необязательно, но уж лучше так, на всякий случай. Сейчас все тебе наложим и свободен.

Естественно, я согласился с его указаниями – с медици-

ной у меня было не очень.

Пока травматолог с медсестрой накладывали мне гипсовую повязку, дверь в кабинет неожиданно распахнулась и внутрь вбежала женщина лет тридцати пяти, может, чуть больше. Вся растрепанная, волосы всклокочены...

– Лешка! Леша! – увидев меня, она бросилась к медицинской кушетке.

Я как-то сразу понял, что это моя мама. Точнее, мама реципиента. Но, несмотря на это, мне даже на душе как-то теплее стало. Вроде и чужой человек, а нет... Кажется, родственные чувства в какой-то мере передались мне по наследству вместе с телом, по крайней мере, что-то я все же чувствовал. К тому же настоящие родители к моменту моей командировки в Сирию, к сожалению, не дожили. А может, и к счастью – незачем родителям хоронить своих детей.

– Сынок! На тебя напали хулиганы? – заохала она, попытавшись меня обнять. Наверное, какая-то служба уже сообщила родителям, и те примчались сюда прямо с работы.

– Мам, да все нормально! – улыбнулся я, одновременно рассматривая ее.

– Так, гражданочка! – травматолог ловко поймал ее и отбуксировал ко входной двери. – Я сейчас закончу, тогда и поговорите. А сейчас – не мешать! Ждите в коридоре!

Внезапно дверь повторно открылась, и в кабинет заскочил мужчина, типичной советской внешности – обычный работага. Пожалуй, среди общей массы его выделяли только

пышные усы.

– Лена, ну куда ты рванула? – возмутился он, при этом активно жестикулируя. – Я же сказал, сейчас все в регистратуре узнаю! Ну?

– Тебя ждать, можно и состариться, – отмахнулась она.

– Сын, ты как? – он тоже двинулся ко мне, внимательно глядя на забинтованную руку. – Перелом, что ли?

– Как перелом? – ахнула женщина.

– Опять досталось?

– Чего это опять? – возмутилась супруга, уперев руки в бока. – Ничего не опять. Он мальчик смелый, может за себя постоять, да?

– А ну, живо покинули кабинет! – рявкнул врач, потеряв всякое терпение. – Ждите снаружи или сейчас вам от меня достанется!

Родители переглянулись и послушно ретировались за дверь, а травматолог снова принялся за работу, бормоча что-то про слишком шумных посетителей.

В общем-то, как-то так я впервые и увидел своих новых родителей.

Когда я вышел из кабинета, мама ринулась ко мне, тут же заграбастав в охапку.

– Лешка, сынок! Я так волновалась. Что этим хулиганам от тебя было нужно? Я слышала, задержали одного, да?

– Не знаю, мам, – я тоже приобнял ее, одновременно уловив давно забытый аромат винтажных «Тет-а-тет», кажется,

вышедших в 1978 году. – Но теперь я со всей уверенностью могу сказать, что они ко мне больше не полезут.

– Вот, это слова мужчины! Сдачу давать – это правильно! – заметил отец, хотя вид у него при этих словах был слегка озабоченный. Он зачем-то теребил левый ус. – Если поймут, что боишься, всегда будут приставать. Помню, у меня в шестидесятых так же было. Так я тогда на бокс пошел и... Ну, неважно. Поехали домой уже, чего вы посреди коридора расселись?!

– Да, да. Сережа, помоги Леше, – вытирая слезы, растроганно сказала мама. – Ему же больно.

– Ой... Да все хорошо со мной! – в который раз отозвался я, чувствуя себя абсолютно нормально. – Мне же не ногу сломали, ходить могу. Да там и перелома-то там нет. Сустав чуть повредил, восстановится. Недельку придется с гипсом походить.

Вышли из больницы, сразу подошли к припаркованной у входа красной машине.

Оказалось, что и у нас имелась машина ВАЗ-2101. Классическая копейка. Да еще с родными круглыми хромированными дисками, а не невзрачной классической штамповкой. Тоже своего рода раритет.

Снова улыбнулся – я даже не помнил, когда последний раз вообще сидел в копейке.

Я осторожно забрался на заднее сиденье, откинулся на спинку. В салоне было чисто – кажется, отец следил за маши-

ной, своевременно мыл и чистил. Внутри пахло чем-то непонятным, но приятным. Заметил, что рукоять коробки передач была украшена розочкой, залитой в прозрачный пластик плексис. Тогда, вплоть до середины девяностых годов, это было очень популярно. Да и в двухтысячных подобное встречалось повсеместно.

Осмотрелся, прислонился лбом к теплomu стеклу – судя по всему сейчас было где-то часов пять, может, больше. Многие жители города уже заканчивали работу, другие собирались домой. Детей забирали из школ и садиков, а по пути заходили в продуктовые магазины, чтобы купить что-нибудь вкусное. Некоторые уже гуляли, сидели на лавочках.

Папа забрался на водительское место, мама заняла пассажирское. Двигатель завелся, выехали почти сразу. Пока мчались домой, мать что-то рассказывала, спрашивала у отца. Тот отвечал, кивал головой. Но я их почти не слушал, думая о случившемся. Не конкретно о том, что меня в гипс закатали, а в целом, о моем невероятном перерождении. Возможно ли такое вообще?! Определенно, вмешались какие-то высшие силы...

Решение: попытаться предотвратить аварию на АЭС, конечно, благородное. Только как это сделать?

Помню, смотрел как-то сериал по «Рен-ТВ», где молодой попаданец из нашего времени взял да и долбанул из РПГ по вентиляционной трубе четвертого энергоблока. Ну и все. Это полнейшая чушь, только в кино так и бывает. Помню,

даже с Ветровым на эту тему спорили, как бы мы поступили на его месте... Жаль только, что тогда подвыпившие были – ничего не запомнил.

Ну, в любом случае стрелять из гранатомета по энергоблоку я точно не стану.

Неожиданно я вспомнил дату своего рождения. Новую дату, в этом времени. Точный домашний адрес. А еще в памяти всплыло какое-то навязчивое стремление стать водителем скорой помощи. Почему скорой помощи? Да откуда ж я знаю...

– Леша, как прошел субботник? – спросила мама, вернув меня к реальности.

– Да нормально, – просто ответил я. – Хотя, какой же это субботник? Сегодня только среда.

Решил не говорить родителям о том, что нанюхавшись краски, я шлепнулся в обморок. Мама и так сильно за меня переживает.

– Многое еще недоделали, – добавил я. – Завтра еще раз пойду.

– Завтра? Ну вот зачем? Без тебя, что ли, там не справятся? – возмутилась мама. – Неужели некому асфальт мести и в клумбах ковыряться? У тебя теперь есть причина, чтобы не работать по медицинским показаниям. Тебя никто не назовет лентяем.

– Мам! – я посмотрел на нее с укоризненным взглядом. – Мне же нужно хотя бы отметиться, откуда они узнают, что

случилось?

Она вздохнула, затем украдкой улыбнулась. Сын вырос-
лел.

До дома доехали быстро. Я задумчиво смотрел в окно, но рассеянный взгляд ни за что не цеплялся. Просто смотрел и ностальгировал. Чистые улицы, зеленый парк, клумбы с цветами, идущие с работы люди. Старые автобусы, легковые машины – все еще не мог смотреть на окружающий мир нормально.

Страха не было. Было живое любопытство.

Припять была прекрасным советским городом, воплощением последних достижений градостроительства. Если Чернобыльская АЭС создавалась как самая лучшая и передовая атомная электростанция, то и город атомщиков должен был ей соответствовать.

По архитектурному плану город был новаторским и существенно отличался от других городов СССР. Его возводили специально для молодых семей энергетиков, работающих на атомной электростанции имени В. И. Ленина. Кварталы в центральном районе города строились по инновационному для советской застройки методу. По слухам, план инфраструктуры был позаимствован откуда-то из Чехии. Улицы утопали в молодой зелени, чередуясь со зданиями, скверами, дорогами и тротуарами. В городе широко применялась мозаика. Панно, сложенные из нее, были необычны, очень качественно выполнены.

Жили мы в классической панельной пятиэтажке на четвертом этаже. Входную дверь я сразу узнал – отложилась где-то в закромах памяти. Четырнадцатая квартира.

Войдя внутрь, едва не споткнулся о метнувшегося под ноги лохматого кота.

– Тишка, брысь отсюда! – крикнула мама, отгоняя лохматого дармоеда.

Но кот уходить не спешил, стоял с обескураженным видом, обнюхивая мою ногу. Что-то его во мне заинтересовало. Или насторожило.

Попробовал погладить его, но лохматый не дался и ушуршал куда-то в сторону кухни.

Вымыл здоровую руку в небольшой, но светлой ванной. Вторую мыть не стал, все равно это было крайне проблематично. Снова осмотрел себя в зеркале – лицо серьезное, но из-за худобы общее впечатление было неоднозначным. В любом случае бойцом я не выглядел уж точно.

Наша квартира оказалась просторной, трехкомнатной. Я сразу же направился к себе, ориентируясь сам не зная как. Просто помнил, куда идти и где что лежит.

Войдя внутрь, прикрыл за собой дверь. Затаив дыхание, молча стоял и осматривал внутреннюю обстановку. Все просто, ничего лишнего. Застеленная кровать, однотумбовый стол из неубиваемой советской древесины, за ним деревянный стул. Пол застелен узорчатым ковром. На стенах светлые обои с каким-то замысловатым рисунком. На них плакаты,

советских и зарубежных исполнителей. Антонов, «Машина времени», «Земляне», Майкл Джексон, Deep Purple, «Наутилус Помпилиус»... Этих, кстати, я совершенно не ожидал тут увидеть – думал, слава пришла к ним позднее...

На столе стоял катушечный магнитофон «Маяк». Выглядел очень достойно. На алюминиевой бирке отчетливо читался семьдесят девятый год производства. Щелкнул кнопку с заветным треугольником, тут же заиграла мелодия:

*«Поверь в мечту, поверь в мечту, поверь в мечту
Скоре-е-й
Поверь в мечту, поверь в мечту
Как в доброту, в людей...»*

Улыбнулся, выключил. Снова потеплело на душе – все еще не верилось, что я в прошлом. Песня была очень знакомой. Юрий Антонов в то время был одним из лучших исполнителей, причем песни были разножанровые, нравились как взрослым, так и детям. Хотелось лечь на кровать, включить музыку и слушать, слушать, слушать...

Не знаю, что заставило меня подойти к окну и откинуть белую тюль... Глаза сами собой застыли на объекте, который хорошо выделялся на горизонте.

Отсюда была хорошо видна знаменитая на весь мир вентиляционная труба четвертого энергоблока! Эдакий символ, который в будущем будет знать каждый второй игроман.

Время летело незаметно.

Я по-прежнему сидел у окна и смотрел на виднеющуюся вдалеке громаду Чернобыльской АЭС. Уж я-то прекрасно знал, что случится меньше чем через два года... Весь мир ощутит ужасные последствия катастрофы. Сидеть и смотреть, зная и осознавая масштабы ужасной аварии, само по себе страшно.

А ведь в этом времени еще никто даже мысли не допускает, что такое вообще может произойти в Советском Союзе. Где-нибудь в Европе – да сколько угодно. Но только не здесь, ведь в СССР все самое лучшее!

Невольно вспомнил ту самую субботу двадцать шестого апреля, когда отца рано утром вызвали на работу. Уже тогда весь город знал – на станции произошла авария, был сильный пожар. Еще бы, ведь когда ночью случился взрыв, от этого проснулась вся Припять. Многие даже вышли на улицы, наблюдали издалека.

Отец вернулся только к вечеру, сказал, что все нормально. Позднее, уже после отъезда из Припяти, его забрали в ликвидаторы, где он трижды сам поднимался на крышу третьего энергоблока... А потом его увезли в больницу, выявив признаки лучевой болезни. После лечения он вернулся, но здоровье уже было подорвано навсегда. Врачи дали ему пять лет, но он боролся целых девять.

Именно техногенная катастрофа и, пожалуй, еще эвакуация всех жителей города в будущем и повлияли на то, что я стал тем, кем стал. Основательно поменял жизненные прио-

ритеты, окончательно решив идти на военную службу. И не абь куда, а именно в войска РХБЗ. Борьтсья с последствиями техногенных аварий, выявлять, предупреждать, помогать людям. И за все годы я нисколько не пожалел о принятом решении.

И вот теперь я здесь. При этом не стоило забывать, что другой я тоже живет в Припяти и сейчас ему примерно лет одиннадцать. У меня есть заманчивая возможность предупредить своих настоящих родителей, убедить переехать из города до аварии. Хотя, честно говоря, я не представлял, как это вообще возможно...

Дверь тихонько приоткрылась, заглянула мама.

– Ты чего тут притих? – спросила она, входя в комнату. – У тебя все хорошо?

– Ну да. Слушай, мам... – я обернулся к ней и задумался, не зная, как правильно поставить вопрос. – Нужен совет. Скажи, если бы у тебя была возможность исправить серьезную ошибку и при этом спасти жизни людей... Ты бы это сделала?

– Конечно, – без раздумий ответила она. – Но не стоит забывать и про обстоятельства. А в чем вопрос? Может, если ты расскажешь мне, я...

– Да нет, ни в чем, – улыбнулся я. – Просто задумался.

– Какой-то ты у меня загадочный последнее время, – она ласково потрепала меня за щеку. – Ужин готов, давай за стол.

– О, это я с большой охотой! – обрадовался я под завыва-

ния голодного желудка.

Не успел я встать, как раздался звонок в дверь. Советский сигнал-кукушка – звук на все времена.

– Это, наверное, Настя с занятий вернулась! – заметила мама и направилась к входной двери.

Послышался звук отпирания замка, детский голос.

Память реципиента услужливо подсунула мне имя младшей сестры. В голове постепенно собиралась картинка семейного окружения.

– Лешка, Лешка! – Настя вбежала в мою комнату, швырнула рюкзак на кровать и бросилась обниматься. Но увидев мою перемотанную бинтами руку, остановилась в нерешительности. – Это что такое? Что с тобой?

– Да так. С хулиганами подрался.

– Ого... – протянула она, вытаращившись удивленными глазками. – Болит, да?

– Все хорошо, – я подманил ее ближе и приобнял. – Только у меня к тебе просьба, Насть.

– Какая?

– Не говори маме, что я в школе краски надышался и сознание потерял, хорошо? С меня «Эскимо». Даже два. Ну, так что?

– Я согласна. А почему не говорить?

– Она волноваться будет. Зачем ей лишний раз переживать?

Настя оказалась сообразительной девочкой, к тому же в

прошлом со старшим братом у нее были очень хорошие отношения. Здесь я был спокоен. Она заверила меня, что ничего не скажет, а мороженое договорились слопать вдвоем.

Домашний ужин был просто восхитительным – вкуснейший, очень наваристый рассольник, бутерброды с докторской колбасой и копченым салом. И компот из черешни. Оказалось, у нас в Копачах жили бабушка с бабушкой, по линии мамы. Оттуда и передали.

Колбасу я особенно смаковал, успел отвыкнуть от натурального мясного продукта. Те, кто постарше помнят, что в СССР многие полуфабрикаты были натуральными, вкусными и очень качественными. В мое время натуральное либо стоило очень дорого, либо просто не продавалось. А то, что подешевле и составом попроще, обязательно содержало в себе половину таблицы Менделеева. Да еще и во время моей командировки в Сирию, приходилось сидеть без мяса почти три недели. Исключение составляла лишь баночная тушенка, но жира там было больше чем мяса.

Мы немного побеседовали, обсудили семейные вопросы. Настя рассказала про уроки в художественной школе, затем помогла маме убрать со стола. А потом все вместе отправились смотреть телевизор. Удивился тому, что в квартире работника станции с далеко не самой высокой зарплатой стоит современная цветная модель «Рубин 260Ц».

А тут еще в эфире шел «Экипаж 1979», который я видел не один раз. И все равно, смотреть его в этой реальности бы-

ло гораздо интереснее. Вновь поразился простоте и правдоподобной игре советских актеров, которым «Оскары» и «Золотые глобусы» были просто не нужны. Отдельного внимания заслуживала съемка без компьютерной графики.

– Сережа, как дела на станции? – уже зевая под конец второй серии, спросила мама.

– Хорошо. Лена, разве там может быть иначе? – ответил отец, затем продолжил: – Еще четыре смены и долгожданный отпуск. Поедем в Москву, я вам Красную площадь покажу. И храм Василия Блаженного. И Кремль.

Родители еще болтали на эту тему, но я не слушал.

Когда стемнело, все разошлись спать.

У Насти была своя комната, у меня своя. Ей шел уже одиннадцатый год, поэтому жить в одной комнате со старшим братом, было как-то не по возрасту.

Ночь прошла незаметно. За день я настолько устал, что заснул, как убитый, едва только коснулся головой подушки. Под утро меня разбудил Тишка – сидел возле кровати и таращился на меня желтыми глазищами. Кажется, этот шерстяной мешок что-то подозревал. Пришлось его прогнать.

Встал я по будильнику. С удивлением обнаружил, что рука почти не болит. Первым делом мне нужно было сходить в поликлинику и сменить повязку. Отправился на кухню, поставил чайник. Некоторое время соображал, где и что лежит – тут память меня слегка подвела.

Отец уже ушел на работу, а мама собиралась в детский

сад. Там она работала младшим воспитателем. Сестра отсыпалась – ей-то никуда идти было не нужно. А вот у меня были важные дела, в которые как ни крути, нужно было вникать.

Едва заварил чай и сделал пару простых бутербродов с колбасой и сыром, как вдруг в дверь позвонили. Это в восемь утра-то...

– Леша, посмотри, кто там пришел? – крикнула мама из ванной.

Подошел к двери, заглянул в глазок. Удивился.

Щелкнул замком, потянул дверь на себя. На входе стоял милиционер в звании старшего лейтенанта. Судя по всему, это наш участковый. Возраст около тридцати пяти, высокий, без лишнего веса. Традиционная советская форма, ремень. На боку планшет из темно-коричневой кожи.

– Доброе утро. Алексей, я как раз к тебе! – поприветствовал он, неожиданно дружелюбным тоном. Ух ты как, видать, участковый совсем не чужой человек.

– Здравия желаю, – четко, по-военному ответил я, тут же спохватившись. Иногда закоренелые привычки контролировать просто невозможно, так и рвутся наружу. Вот как сейчас.

– О! Здравия желаю! – услышав обобщенное приветствие, даже немного в лице поменялся. – Молодец, к армии, что ли, готовишься?

– Вроде того, – отбрехался я, ожидая продолжения. Ну не просто же так он пришел.

– Алексей, тут такое дело, – начал он, уже куда менее радостным тоном. Было видно, что разговор будет непростой – слова давались ему нелегко. – На тебя жалоба поступила. От гражданина Иванец Геннадия Павловича...

Глава 5. Снова в школу

– Ой, а что случилось? – из-за угла вынырнула мама, с красной помадой в руках. Вид участкового ее удивил. – Дмитрий Сергеевич? А вы чего здесь? Проходите, чего на пороге стоять.

В процессе нашей беседы выяснилось, что тот самый амбал Генка, что вчера располосовал мне руку ножом, зачем-то подал заявление в милицию. Якобы не он на меня напал, а совсем наоборот. Оскорбил, избил, а в процессе еще и ножом ему угрожал.

Вот свинья, а?! Сам же меня хотел на шашлык покрутить, а как получил по морде, сразу в штаны наложил и побежал жаловаться.

– Да это же неправда! – вырвалось у меня.

– Елена Александровна, есть жалоба, – попытался оправдаться участковый, хотя его тут вины точно не было. – Я обязан отреагировать.

– Да как на него жалобу-то? Вообще-то, его в травмпункт скорая вчера отвезла! Дима, гипс у него видишь?

– Вижу. Я понимаю, но от меня тут ничего не зависит. Начальство поставило перед фактом, вот я здесь.

– Ерунда какая-то. А свидетели? – возмутилась мама, всплеснув руками. – Кто это докажет?

– В том-то и дело... – вздохнул старший лейтенант, загля-

нув в блокнот. – Есть свидетели. Даже двое. Пащенко Михаил Александрович и Добровольский Александр Сергеевич.

– Так это же его дружки, – выпалил я, едва услышал знакомые фамилии. – Они все вместе меня поджидали, у тех гаражей. Разве они могут выступать в качестве свидетелей? Это заинтересованные лица, даже, скорее, соучастники.

Повисла немая пауза. По лицу участкового видно было, что он с нами полностью солидарен, но у него приказ свыше.

– Погоди-ка... Дмитрий Сергеевич, а этот Иванец... – начала мама, с задумчивым лицом. – Это случайно не сын Иванца Павла Сергеевича, из исполкома города?

– Он самый, – мрачно подтвердил старлей.

– Ясно все. Папаша решил сынка выгородить... Дима, ну ты сам подумай, какой из Лешки хулиган? Ты ж его семнадцать лет знаешь, – мать указала на меня помадой. – Сам посмотри, ему руку ножом распороли, да еще и на руке гипс теперь. Он что, один напал на компанию этих... Тьфу! Это же чушь!

Участковый слегка покраснел, но ничего не ответил. Зачем-то принялся с азартом рыться в бумажках, словно искал там что-то важное. Ну точно, его отправили сюда по принуждению, просто дав команду «фас». Однако велели сделать все мягко, без лишнего шума и давления... А значит, дело склепано по-быстрому, как попало и дыр в нем явно хватает.

Все стало предельно ясным. Папаша Гены, пользуясь своим положением, понял, чем грозит нападение его сына на

безоружного несовершеннолетнего гражданина, то есть, на меня... Да еще и с использованием колюще-режущего оружия, с причинением телесных повреждений. А потому подсуетился и подключил связи, перевернув историю с ног на голову. Теперь, согласно заявлению, это я напал на их компанию, когда они сидели и спокойно щелкали семечки возле гаражей. Избил самого Пашенко, потом и Генку Иванца. Первый впоследствии сбежал с места происшествия, но потом он одумался и тоже пришел в милицию, чтобы составить на меня жалобу. Вот уроды сопливые. Как по нотам отыграли – явно влияние Иванца-старшего.

Милиция жалобу, естественно, приняла, хотя изначально факт нападения был зафиксирован именно на меня, а не наоборот. И с понятыми. Значит, все переиграли, стараясь действовать быстро.

К сожалению, с законодательством, а тем более с советским, я был знаком лишь поверхностно, поэтому внятного ответа без эмоций у меня не получилось. И участковый это дело подметил.

Мама, разнервничавшись, уже собиралась звонить отцу на работу, но я вовремя отговорил ее.

– Какие наши дальнейшие действия? – спросил я, когда эмоции все-таки отступили.

– Алексей, да какие тут действия... Сегодня в два часа дня тебе нужно явиться в РОВД. С тобой побеседует следователь, составит протокол... Ну, там по обстоятельствам.

Вот, распишись здесь о том, что ознакомлен.

– Стоп, я же еще несовершеннолетний! – прищурился я, рассматривая лист. – Разве в таком возрасте на опросе не должен присутствовать законный родитель или опекун?

– Да. Но тут особый случай, – участковый даже побледнел. Видимо, боялся сказать лишнее.

– Погоди-ка, что значит – особый? – возмутилась мама, хмуро глядя на старшего лейтенанта. – Поясни, Дмитрий.

– Ма, все нормально, – к гадалке не ходи, здесь явно все обговорено с руководством, а потому они отступают от правил. – Я понял, что дядя Дима хочет сказать. Раз ждут только меня, значит, я и пойду. Ничего страшного в этом нет. Правда?

Тот кивнул, заодно вытер платком вспотевший лоб.

Не хотел я ничего подписывать, но пришлось. Мне даже стало интересно, чего ж там против меня наклепали-то?

Едва я это сделал, участковый облегченно выдохнул и поспешил убраться из квартиры.

– Боже мой, что же теперь делать-то? – запричитала мама, тут же принявшись вытирать накатившие слезы. – Что будет дальше?

– Поживем – увидим, – спокойно ответил я, успокаивая маму. – Не переживай, мам. Схожу в отделение, узнаю, какие против меня выдвинуты обвинения. А пока мне нужно в поликлинику, пусть повязку сменят, а заодно медицинское заключение выдадут... Ну или как там оно называется. Я уже

знаю, куда обратиться дальше.

– Куда?

– В прокуратуру! – спокойно ответил я. – Мам, да не волнуйся ты так, все проблемы решаются. Кстати, ты так на работу опоздаешь... Уже без десяти восемь.

– Ой, точно, – спохватилась она, бегом бросившись за документами и ключами. – Леша, ладно. Но если что, звони мне прямо на работу. И отцу тоже. МЫ этого просто так не оставим. Понял?

– Конечно.

– Смотри у меня, – она обняла меня, прижала к себе. – Ты у меня такой взрослый уже...

Она поцеловала меня в щеку, затем подхватила сумку и выскользнула из квартиры.

А я отправился обратно на кухню, чтобы наконец-то позавтракать. Предстояло многое обдумать, в том числе и эту подлянку со стороны местных отморозков. Когда с бутербродами и чаем было покончено, я вернулся в свою комнату.

Оделся, затем разбудил сестру. Вместе приготовили ей завтрак, затем я покинул квартиру.

Первым делом отправился в поликлинику, чтобы мне осмотрели резаную рану, а заодно сделали заключение. Все получилось. Даже на руки документ выдали – я был очень настойчив. В целом, с этим проблем не возникло. А тут еще и вчерашний травматолог произвел осмотр и обрадовал тем, что опухоль немного сошла, и предыдущий диагноз оказался

ошибочным – носить гипс мне было даже не нужно, хватило бы и обычной фиксирующей повязки.

– Дня три-четыре еще походи на всякий случай, – произнес врач, делая запись в журнале. – Потом я тебе все сниму.

– У меня последний звонок через два дня. Может, снимем раньше?

– Может, и снимем, – врач отправил остатки старой повязки в мусорное ведро. – Загадывать не буду. Послезавтра приходи, решим.

Затем я отправился в школу.

Хоть Припять и была моим родным городом, память все-таки немного подводила. Причем как моя собственная, так и реципиента. Ведь в своем времени я привык бродить, используя навигатор в смартфоне, поэтому мозг слегка и обленился.

Час блуждал по городу, взял себе «Эскимо» на палочке – благо обнаружил, что деньги на карманные расходы у меня все-таки были. Сливочный вкус детства оживил во мне новую порцию воспоминаний. Кстати, я неожиданно вспомнил, что очень любил читать книги, особенно боевую фантастику. Ее, правда, в те годы было очень мало, но я перечитал все, что предлагала центральная библиотека. Герберта Уэллса, Жюль Верна, Беляева, Стругацких...

А еще я вспомнил, что оказывается, у меня была близкая подруга.

Именно подруга, не девушка.

Ее звали Юля.

Вспомнил, что мы вместе гуляли в парке, я часто провожал ее из школы. И длилось это уже больше года, а на большее меня почему-то не хватало. То ли смелость, то ли какая-то другая причина была... Не знаю.

В школе ничего особо не изменилось. Кроме чистых тротуаров, цветущих клумб и постриженных кустов в глаза бросались только растянутые на столбах красные стяги с типичными лозунгами. Один из них гласил:

«Долг каждого советского школьника учиться на отлично!»

Никак не отреагировал. Прошел мимо группы школьниц младших классов, подошел ко входу.

В дверях наткнулся на завуча.

– Савельев! – строгий голос прозвучал так, что я аж вздрогнул. – Ты почему вчера с субботника ушел? А что это у тебя такое? Гипс? Какой кошмар! Савельев, ну-ка объяснитесь!

– Гипс, – подтвердил я. – Хулигана задержал.

– Хулигана? – та удивленно приподняла бровь. – А почему я об этом ничего не знаю? Я же не только завуч, но и политрук школы, между прочим!

– Как раз шел к вам, чтобы сообщить новость, – тут же нашелся я, чтобы не ударить в грязь лицом. – А по поводу ху-

лигана... Возвращался домой, сократил путь через гаражи. А там... В общем, с ножом на меня напали, пришлось защищаться. К приезду милиции одного обезвредил и задержал. Правда, и самому досталось.

– Очень интересно. А почему я ничего об этом не знаю? – насторожилась она, буравя меня взглядом мегеры. – Должны же были оповестить и нас. Не успели или забыли?

Я живо смекнул, что видимо, сверху, в городском РОВД дали соответствующую команду «не шуметь» по этому поводу. Именно поэтому в школу не спустили «горячую» новость по случившемуся. Да-а, хорошо же папаша Генки за дело взялся, но кое-чего он все же не учел. Вернее, много чего не учел. У меня в голове уже шел сложный мыслительный процесс.

– Так! А ну-ка... Давай за мной, Савельев! – политрук резко развернулась на маленьких каблучках и решительно двинулась к входной двери. Я послушно засеменял следом, уже представляя, что и как я буду говорить. Ее кабинет был на первом этаже, поэтому идти пришлось недалеко.

Вошли в ее рабочую обитель. Хлопнула дверь.

Внутри пахло нафталином, одеколоном и еще чем-то странным.

Политрук опустила за свой стол, указав на свободный стул напротив ее стола. Обратил внимание, что на краешке стола лежала папка с приклеенной биркой:

«Завуч и политрук

Ага, внешний вид полностью соответствует своей фамилии. Вцепится – не убежишь.

– Ну, Савельев! Рассказывай, как все было, с подробностями. Кого задержал, где и когда? Мы мигом школьную газету выпустим. Завтра... Нет, уже сегодня!

– А чего тут рассказывать-то? – я сел на жесткий стул, драматично выдохнул. – Шел я вчера домой, меня как раз Филатов Женя провожал. Довел почти до гаражей. Ну что я, девочка, чтобы меня за ручку водить? В общем, попрощался с ним, решил срезать напрямую через гаражи, потому что так ближе. Там и наткнулся на хулиганов. Чего они от меня хотели, я не понял, но кажется, им нужны были деньги.

– Да ладно... Грабители, значит?

– Ну, наверное, – я намеренно искажал информацию. – Черт их разберет. Сначала дразнили, потом приставать начали.

– И что дальше было? – она чуть привстала, уперев руки в стол, нависнув надо мной, словно тигрица. – Откуда они? Местные или с другого района?

Видать, в школе давно нечего было в школьных газетах писать, поэтому порция интересной информации о молодом отличившемся герое, то есть обо мне, могла быть ей жизненно необходима. Политрук, грубо говоря, сидела без работы. А тут такой сюрприз в моем лице свалился. Особенно в преддверии последнего звонка, где газету увидят пришедшие на

праздник родители со всего района.

– А дальше на меня бросился один, затем второй, – я осторожно коверкал истинное положение вещей, но вместе с тем говорил максимально правдоподобно. – У второго, кстати, был нож. Им-то он меня и поранил. И все же я его перехитрил, повалил на землю и выбил нож. Остальные убежали.

– Один? Против двоих? – она взглянула на меня с подозрением. – Как? Ты же не...

– Не выгляжу подготовленным? Ну да, спортивные секции не посещаю. Зато я дома уже третий месяц тренируюсь, – пришлось придумывать себе целую легенду, иначе могли быть лишние вопросы. – И еще я фильмы видел, как солдат учат. А хулиганы были в состоянии алкогольного опьянения.

– Даже так?

– Ну да.

– Ага, так... так... – она села обратно на стул, постукивая по столу карандашом. – А кто это был? Кого-то опознал?

– Тамара Сергеевна, я не разглядел, уже вечерело... Но, кажется, один из нападавших был Генка Иванец. И голос похожий. И еще, я почти уверен, что с ними наш Пащенко был.

– Что-о? – ее лицо вытянулось. Она почему-то стала похожа на крыску Лариску из мультика про «Гену и Чебурашку». – Савельев! Ты не ошибся? Пащенко Михаил?

– Думаю, что не ошибся. Говорю же, я и голос его слышал.

– Пащенко. И Иванец? Они не самые прилежные ученики, да и дисциплиной у них проблемы. Так... – далее она что-

то пробурчала себе под нос. – Ну, про Пащенко можно и не писать...

Некоторое время было тихо. Лишь на шкафу играло небольшое радио, со всех сторон заставленное вазами. Оттуда горланила женщина, которая поет...

– Ну... Ясно! – завуч то бормотала что-то себе под нос, то озвучивала вслух. – За этим гражданином... Иванец?! Стоп! Он же в прошлом году школу окончил, так? В институт не поступил и в армию не ушел, да?

– Ага, – кивнул я, хотя этого знать не мог по известным причинам.

– И ты хочешь, чтобы мы это опубликовали? – она сняла очки и положила их на крышку стола, указала на листок бумаги, где делала пометки в ходе моего рассказа. Разом напомнила мне средневековую горгулью. – Интересный материал для нашей газеты получается. Даже слишком интересный. Выходит, выпускник нашей школы встал на сомнительную дорожку? А ученик выпускного класса, комсомолец в твоём лице, разумеется, выявил и пресек акт дебоширства? Стал молодым героем и образцом для подражания всей школы! Фотографию твою мы возьмем из документов... Угу, угу...

– Звучит хорошо. Но...

– Нет! – она вдруг вскочила с места, обошла стол вокруг и почти вплотную подошла ко мне. – Нет! Это не хорошо – это замечательно!

Я не поверил своим ушам. Честно говоря, подумал, что сейчас она меня погонит в шею, за якобы клевету на сына уважаемого в городе человека. Но нет. Именно это ей и было нужно – именно, правда. Причем такая, какая она есть. Зачем?!

– Простите, я вас не совсем понял... – ошеломленный ее поведением, я даже растерялся.

– А что тут непонятного? – язвительно пробурчала она, затем подошла к окну и выдохнула. – Его отец уже два года обещает построить во дворе нашей школы новый спортивный городок. И что? Где? Пустые слова, и от кого?! От заместителя главы исполнительного комитета города Припяти! Ну, Савельев... Молодец! А еще его папаша сам по себе неприятный человек, обманщик. Который, к тому же, не в меру состоятельный. А тут еще и сын его дебошир, оказывается? Ух!

– А что вам это даст? Одни проблемы же будут! – я хорошо себе представлял, но решил прикинуться дурачком. Ко всему этому напрашивался и другой момент – завуч явно хотела ему напакостить и при этом не боялась последствий. Личные причины? Если так, то они должны быть очень серьезными.

– Проблемы? Мне? Ха! Мы публично огласим его заслуги! – она подняла палец вверх. – Отец там, а сын тут отличился. Вот какая разница. Да к тому же Иванец-старший и в милиции связи имеет... Ясно теперь, почему к нам в школу

ничего не пришло! Ну ничего, на последнем звонке, об этом случае узнают родители со всего района! – она довольно потерла ладони друг о друга.

– Э-э... Я могу идти?

– Да. Свободен, – та сразу же потеряла ко мне интерес.

– А позвольте спросить... Вы разве не боитесь того, что...

– Не боюсь, – решительно перебила она. – Этот похотливый мерзавец хотел воспользоваться мной, как распутной... Ой, тьфу! Савельев, ну-ка, брысь отсюда! Ты ничего не слышал, ясно?

– Да я вообще вас не видел!

– И правильно.

Я быстро покинул ее кабинет, напоследок облегченно выдохнув. Она восприняла это по-своему.

Выходит, папаша Генки крутил роман с завучем на стороне? Ха! Этот черствый сухарь кого-то мог заинтересовать? Ну, это уже неважно... Интересно другое – роман прошел, а завуч осталась на обочине. Ну, теперь все ясно. Вот откуда такое рвение отомстить за нанесенную обиду. Правду говорят, что месть обиженной женщины страшна и непредсказуема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.